№ 75

APR 17 '33 216

ЦЕНА 10 СЕНТ.

ДЕЛО ТРУДА

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

МАРТ-АПРЕЛЬ 1933 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
„Dielo Trouda," 237 N. Fairfield Ave., Chicago, Ill.

9-й год издания

387

УСПЕХИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Без правильного решения земельного вопроса или крестьянского вопроса не возможно установление коммунизма, ибо земледелие продолжает играть огромнейшую роль как по своей экономической важности, так и по числу занятых в ней людей, а в нем занято более половины населения земного шара. Даже в высоко-индустриальных странах в нем занято свыше 40% населения.

Трудность решения земельного вопроса заключается в особых условиях, в которых развивается земледельческая промышленность — слабое воздействие на него капитализма, т. е. низкая степень машинизации производственных сельско-хозяйственных процессов, что обуславливает отсутствие коллективного труда, создаваемого машиной в промышленности. Благодаря этим условиям путь коммунизации земледелия совершенно противоположен пути коммунизации промышленности. Технический прогресс создал в промышленности коллективный труд и вся задача коммунизации, поэтому, сводится к тому, чтобы уничтожить частную собственность. В земледелии же, наоборот, уничтожение частной собственности еще далеко не решает вопроса Коммунизации. Уничтожить частную собственность на землю — мало, надо еще создать коллективный труд, а для этого требуется время, а не сила. В этом и лежит вся трудность решения земельного вопроса в духе коммунизации.

На эту трудность наткнулись большевики в России. **Они не могут, не умеют и не смогут решить земельного вопроса в духе коммунизации,** пока не откажутся от марксизма и, так называемого, „ленинизма". Отказаться же от самих себя они тоже не смогут, — им такое самопожертвование не под силу — поэтому на земледелие они сломают себе шею, оно их погубит и похоронит.

Первые десять лет большевики были заняты расправой со своими политическими противниками, они сокрушали их во имя собственной партийной диктатуры и мало обращали внимания на вопрос коммунизации сельского хозяйства, не подготовляли его к этому. Все сводилось к поборам, к требованию, чтобы крестьянство снабжало города хлебом, не требуя взамен равного возмещения. Государственная хлебная монополия с твердыми ценами, реквизиция, разверстка, продналог, комбеды и заградительные отряды — средства, при помощи которых большевики надеялись добыть хлеб для городов, дали обратные результаты: сокращение посевной площади, сокращение скота, полный развал сельского хозяйства и голод во всей стране. Попытка устранить зависимость от крестьянского хлеба путем организации советских „зерновых фабрик" — „совхозов" — не дала никаких положительных результатов.

Некоторая видимость свободы торговли хлебом создала знаменитые „ножницы" и толкнула огромную массу крестьян в города на легкие хлеба, создав невиданную безработицу и острейший экономический

кризис. Под давлением этой безработицы возникла идея индустриализации страны, выполнение которой должно было поглотить все свободные руки и поставить Россию, если не во главе передовых индустриальных стран, то в один ряд с ними. Началось выполнение заданий индустриализации, расчитанных на пять лет. В результате построены некоторые промышленные единицы, вызывающие, как пирамиды фараонов, удивление, но не давшие абсолютно ничего, что облегчило бы экономическое положение широких трудящихся масс страны, наоборот, их положение значительно ухудшилось, экономически и политически, ибо, в процессе выполнения пятилетняго плана, они потеряли последние человеческие свободы — они стали крепостными государства и обречены на физическое и моральное вырождение, потому что государство в течении пяти лет самым ужасным образом расточало их надорванные десятилетним недоеданием силы, обещая дать после „пятилетки" изобилие, но вместо изобилия дало полное расстройство в промышленности и в земледелии, безработицу и голод во всей стране.

В круг индустриализации вовлечено и земледелие. Декретом из Кремля было приказано коллективизировать большой процент крестьянских хозяйств наиболее плодородных областей.

Коллективизация — избавление от продовольственного кризиса и необходимая предпосылка строительства коммунизма. Идея вполне правильная, но осуществление ее требует времени, психологической подготовленности к ней крестьян, их самодеятельности, свободы и экономической заинтересованности. Ничего этого большевики предоставить не могли и не могут, оставаясь большевиками, ибо они верят в силу, как спасительное средство, гораздо сильнее, чем средневековый монах в Троицу.

Начался массовый загон крестьян в „колхозы", крестьянские хозяйства стали разрушаться, живой и мертвый инвентарь начал таять, как масло на огне. Крепостнический характер „колхозов" вызвал к жизни крепостной труд и рабскую производительность труда. Пассивное сопротивление большевистской аракчеевщине привело к убою скота, распродаже инвентаря, к порче машин и орудий. Ничтожное вознаграждение за труд, грабеж государством колхозных продуктов, тюремная система наблюдения внутри колхозов и бюрократия создали у крестьян арестантскую психологию и соответственное отношение к труду. В результате большевики сейчас имеют много колхозов и продовольственный голод в стране, грозящий принять размеры голода 1921-2 годов.

Житницы России — Украина не имеет хлеба, Кубань — без хлеба, Поволожье — без хлеба. На Украине, как пишет нам крестьянин, фунт ржаного хлеба стоит 5 рублей, а рабочий не зарабатывает их в день. И, тем не менее, Сталин кричит об успехах коллективизации. „Успехи коллективизации, говорит он, превзошли 5 летний план в три раза". „Мы не только закончили коллективизацию в общем, продолжает он, но внедрили в сознание огромного большинства крестьян, что это единственный способ ведения земледелия".

Если-бы это было в действительности, — это было бы большой заслугой большевиков. Но это только агитационная фраза, действительность далека от заявления Сталина. Если-бы это было верно, если действительно огромная масса крестьян поняла, что коллективизм — единственный способ обработки, то большевикам не зачем было эту понявшую выгодность коллективизации огромную крестьянскую массу зажимать в ежевые рукавицы новой особой полиции. Довольно странно и прямо таки не понятно, что успех коллективизации вызвал новый железный полицейский зажим.

Верно одно: колхозы есть, и много их, но зерна нет. Продуктивность колхозов оказалась ниже продуктивности примитивного хозяйства единоличника. Из этого факта и проистекает последняя безумная попытка одуревших от неограниченной власти централистических маньяков: поднять производительность колхозов силой, мерами административного воздействия вплоть до расстрела за воровство и саботаж, вплоть до отправления в ссылку целых областей. Не хотите ростить хлеб — поезжайте пилить дрова!..

Организовать беспощадный террор в земледелии! Найден простой и не дорогой и в тоже время спасительный метод — органиизованный террор приведет коллективизацию в движение. Для этой цели и создана новая полиция в земледелии, на-манер политотделов в армии. Установлено 12,446 тракторных станций с 120,-000 тракторов. Этими станциями заведывает специально назначенный комиссар — „надежный коммунист" — с тремя помощниками. Главный комиссар новой полиции, в чине помощника наркома земледелия, назначается Ц. К. партии и вся полиция должна состоять из „надежных коммунистов". На обязанности этой полиции возлагается: заставить совхозы и колхозы выполнять предписания правительства, борьба с воровством и саботажем, с утай-

кой зерна, борьба за поднятие производительности; полиция эта, наконец, должна „обеспечить правильное функционирование надзора за классовыми врагами в колхозах и за единоличниками". Итак, успех коллективизации вызвал необходимость установления новой полиции, новой армии бюрократов и дармоедов в 50,000 человек. Странный успех.

Все это говорит, что большевистский способ коллективизации отбивает у крестьян всякую охоту к ней и, боюсь, на долгое время убил идею коммунизма в деревне, разрушил сельское хозяйство, обрек страну на длительный голод, т. е. на физическое вырождение, сделал все население крепостным и является ни чем иным как организованным понижением культурного и морального уровня широких трудовых народных масс.

„Успех коллективизации" привел к тому, что по 47 районам Северного Кавказа собрано всего только от 0,1% до 10% зерна; по 65 районам Украины собрано от 0,2% до 59% зерна. Эти области терроризированы, разорены, население подвергнулось массовому выселению, массовой ссылке — голод, смерть, болезни, запустение там теперь. Дальнейшее применение организованного террора грозит теми же последствиями для всей страны.

Чтобы избежать этого надвигающегося ужаса есть только один выход — УНИЧТОЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ. НЕОБХОДИМО ВОССТАНОВИТЬ В СТРАНЕ ВСЕ ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СВОБОДЫ. НЕОБХОДИМА ПОЛНАЯ СВОБОДА МЕСТ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ И УРАВНИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО НАЧАЛА В ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ, ЭНЕРГИЧНАЯ РАБОТА ПО ОБ'ЕДИНЕНИЮ ВСЕГО КРЕСТЬЯНСТВА В СТРАНЕ В КООПЕРАТИВНЫЕ ТОВАРИЩЕСТВА ПО ЗАКУПУ-СБЫТУ И ВЫРАБОТКА ТАКИХ МЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ И ПРОМЫШЛЕННОЙ КОММУНОЙ ВСЕЙ СТРАНЫ, КОТОРЫЕ БЫ БЕЗБОЛЕЗНЕННО, НЕ НАРУШАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ КРЕСТЬЯНСТВА, ПЕРЕВОДИЛИ БЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ С ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИ-СОБСТВЕННИЧЕСКИХ РЕЛЬС НА РЕЛЬСЫ СВОБОДНОГО КОММУНИЗМА. Предварительным условием этого, повторяю, является УНИЧТОЖЕНИЕ ДИКТАТУРЫ, что означает насильственное низвержение большевиков, ибо они добровольно от диктатуры не откажутся, и установление режима ПОЛНОЙ СВОБОДЫ МЕСТ И ЛИЦ в форме безвластной федерации городских и сельских общин, коммун. За это надо бороться и этой борьбе надо содействовать. На примере большевистского „опыта" строительства государственного социализма каждый видит полное банкротство государственного начала и весь его ужас, — в права теперь должна вступить АНАРХИЯ и всякий подлинно любящий свободу и человеческий прогресс должен содействовать ускорению ее прихода.

Углубление экономического кризиса

По статистическим данным министерства финансов доходы отдельных богачей в Соединенных Штатах исчислены в 1931 г. в 13,231,352,042 д. против 17,220,753,620 д. в 1930 г. и против свыше 25 миллиардов в 1928 г. Чистый же доход корпораций в 1931 г. исчислен в 3,110,642,568 д. против 5,627,312,995 д. 1930 г. и 11,653,886,002 д. в 1929 г. Эти данные указывают о сокращении доходов крупных американских богачей и корпораций и об углублении кризиса.

Однако, не смотря на уменьшение доходов, многие корпорации, не получающие никакой прибыли и даже несущие убытки, „ухищряются" выплачивать своим акционерам дивиденты. Так, например, „Дженерал Мотор Ко.", понесшая убытки в 17 млн. долларов, выплатила своим акционерам 10,875,000 д., что об'ясняется имеющейся на руках руководителей корпорации крупной наличностью. Из этого следует, что современный экономический кризис совсем не затрагивает крупных компаний, которые не только не уменьшают дивидентов в „тощие" годы, но даже увеличивают их, что видно из статистических данных министерства труда, указывающих, что за вторую половину 1932 г. было выплачено 3,768,000,000 д. против 2,155,000,-000 д. в 1926 г. и 3,558,000,000 д. в 1929 г. за тот же период времени.

Кроме промышленных корпораций, в Америке имеется много биржевых контор, занимающихся исключительно маклерством и дающих крупные дивиденты по привилегированным акциям, находящимся в распоряжении крупных финансовых акул, зазывающих широковещательными рекламами мелкую или среднюю рыбешку. О махинациях биржевых воротил можно судить по рассказу сен. Гердингса, приводящего в „Нью Иорк Таймс" данные о том, как одна фирма, об'являвшая в рекламах о двух-миллионах долларов прибыли, в действительности же понесла за пер-

вые три года 2,173,000 д. убытка и выплачивала дивиденты из денег, собранных от продажи акций разной мелкоте.

Из отчета министерства финансов видно, что в 1914 г. в Соед. Штатах было 60 лиц, получавших годовые доходы в 1 миллион и больше; в 1915 г. таких лиц было 120, в 1916 — 206, в 1917 — 141, в 1918 — 67, 1919 — 65, в 1920 — 33, в 1922 — 67, в 1923 — 74, в 1924 — 75, в 1925 — 207, в 1926 — 231, в 1927 — 290, в 1928 — 511, в 1929 — 513, в 1930 — 150, в 1931 — 75.

Данные эти указывают, что в разгар Европейской войны возросло количество американских миллионеров, а с ее прекращением оно уменьшилось; период реконструкции в Европе также отмечен еще большим повышением числа миллионеров до рекордного 1929 г., ознаменовавшегося биржевым крахом и разорением массы мелкоты и положившего начало современной экономической депрессии. Здесь следует отметить, что биржевой крах разорил, главнымным образом, мелких и средних спекулянтов, а миллионеры и на этом только выиграли, обогатившись потерянными мелкотой миллионами. Указание же на то, что число миллионеров сократилось, — вовсе не соответствует действительности, потому что миллионеры, дабы не платить в государственное казначейство подоходного налога, сбыли убыточные акции промышленных предприятий и вложили свои миллионы в государственные облигации, не подлежащие подоходному налогу вообще, но приносящие ежегодно миллионные прибыли их владельцам, отрезывающим лишь купоны.

Из опубликованного министерством торговли отчета видно, что продукция добывающей и обрабатывающей промышленности упала в 1932 г. на 20% по сравнению с предыдущим годом, в котором также было понижение на 21% по сравнению с 1930 г., производство которого сократилось на 7% 1929 г. Падение производства особенно заметно в тяжелой индустрии: выплавка чугуна и стали упала на 45%, выпуск автомобилей — на 39%, а производство цемента — на 32%. Отчет указывает на новое сокращение покупательной способности населения и снижение на 18% продаж предметов ширпотреба; падение на 15% числа занятых рабочих; уменьшение на 28% выплаченной зарплаты фабрично-заводским рабочим, или на 43% ниже средней 1923 — 1925 гг. Бездействие торгового флота составило 32%, а судостроительство упало на 50%. Одним словом, данные министерства торговли свидетельствуют об углублении или расширении современного экономического кризиса.

Добыча нефти в Соед. Штатах в 1932 г. составила 789 мил. бочек (1 бочка=136 кар.), т. е. на 8% меньше 1931 г. и 21,5% меньше 1929 года.

В 1932 г. в Соед. Штатах работало в среднем 52 доменных печи против 88 в 1931 г. и 203 печей в 1929 г. Выплавка чугуна составляла 21,000 тонн в день против 49,000 тон в 1931 году и 115,000 тонн в 1929 году. Производство стали составляло 1 миллион тонн в месяц, причем сталелитейная промышленность была загружена всего лишь на 18% всей производственной мощности. В 1931 г. ежемесячная продукция стали составляла 2 мил. тонн или 38% загруженности, а в 1929 г. — 4,5 мил. тонн или 89% загруженности сталелитейных предприятий. Производство автомобилей в 1932 г. составляло 1,5 млн. машин против 2,5 млн. в 1931 г. и 5,5 млн. в 1929 г. Опубликованные отчеты указывают также на сокращение железнодорожных погрузок, на уменьшение доходов жел.-дор. компаний и на увеличение числа банкротств торговых и промышленных предприятий.

Так, по официальным данным Междуштатной Комиссии доходность железных дорог упала с 1,274 млн. дол. в 1929 г. до 324 млн. д. в 1932 г., уменьшившись на 74,6%. Из 138 первоклассных железных дорог — лишь 38 окончили 1932 оперативный год без дефицита, а из 100 остальных железных дорог — 45 не покрыли даже расходов по оперированию, а 55 — только покрыли расходы.

Промышленные банкротства увеличились с 1920 г. по 1931 г. на 414%, а банкротства коммерческих предприятий увеличились на 200%. В 1920 г. было 15,000 банкротств, а в 1931 г. — 63,332. В 1932 г. обанкротилось в Соед. Штатах около 30,000 промышленных предприятий против 25,000 в 1931 году. Банкротства же коммерческих предприятий составляли в среднем 2,728 в месяц с капиталом в 81 млн. дол. против 2,333 банкротств в 1931 г. с капиталом в 60 млн. дол. С 1920 г. по 1931 г., вследствие банкротств, потери кредиторов достигли 7,300,000,000 дол., а в 1931 г. кредиторы потеряли 1 миллиард долларов, получив при ликвидации лишь 89 млн. дол. По данным Р. Г. Дун и Ко с 1930 по 1932 гг. ликвидировано 86,590 фирм с капиталом в 2,322 млн. долларов. Вследствие насильственных ликвидаций долги по закладным под недвижимость сократились с 17 миллиардов в 1929 г. до 6 миллиардов в 1932 г. Несмотря на об'явленный в некоторых штатах мораторий и оказываемую Реконструктивной Финансовой Корпорацией помощь — свыше пяти тысячам банков, — крахи последних достигли в 1932 г. цифры 1,392,

с общей суммой вкладов 644 млн. долларов. С 1920 по 1932 г. в Соед. Штатах закрылось 10,483 банка с капит. 4,882,481,000 д., принадлежавших вкладчикам. С 1920 по 1929 г. закрылось 5,642 банка, в 1930 г. — 1,345, в 1931 г. — 2,298 и в 1932 г. — 1299. Теперь в СШ насчитывается около 20,000 банков. Крупные банки увеличили свои капиталы с 35 млн. дол. до 2,187 млн. дол. Вклады возросли с 5 до 11,5 миллиардов долларов.

Министерство Земледелия исчисляет валовую доходность сельского хозяйства в 5 миллиардов долларов против 7 миллиардов в 1931 г., 9 миллиардов в 1930 году и 12 миллиардов в 1929 г. По сравнению с довоенным временем индекс цен на сельско-хозяйственные продукты упал до 54, а на предметы фабрично-заводской промышленности составляет 106, индекс же налогов, взимаемых с фармерских хозяйств, — 250. За последние три года фармеры потеряли 60% доходности 1929 г. Особенно сильно пострадали производители хлопка: в 1929 г. его стоимость определялась в 1,389 млн. дол., а в 1932 г. — 397 млн. дол. Доходность же с животноводства упала с 6,5 миллиардов долларов в 1929 г. до 3 миллиардов в 1932 году. Номинальная задолженность фармеров уменьшилась на 8%, вследствие усилившихся продаж с молотка, каковые составляли в 1932 г. 40 на тысячу хозяйств против 26 в 1931 г. и 21 в 1930 г.

Финансовое состояние Соед. Штатов — тоже не из блестящих: национальные доходы упали с 85 миллиардов дол. в 1929 г. до 38 миллиардов в 1932 г., а задолженность достигла 200 миллиардов долларов, одни проценты по которым исчисляются почти в 10 миллиардов долларов. Государственный долг, сократившийся к 30 июня 1930 г. до 16,185,309,832 дол., подскочил до 21 миллиарда дол. Уж в третий год бюджет федерального правительства не был сбалансирован и оно продолжает занимать деньги у банкиров, которым задолжало за три года 5 миллиардов долларов и на содержании которых правительство находится. Общая сумма, затрачиваемая на содержание американских властей, — локальных, штатных и федеральных, — достигает 15 миллиардов долларов, что составляет почти половину национального дохода, поглощаемого правительственными чиновниками.

Несмотря на увеличение налогов, дефицит продолжает расти: к концу 1931 фискального года он состовлял 902,716,845 д., а в 1932 г. перерасходы дошли до 2,885,362,229 дол. Дефициты получаются от чрезмерного увеличения расходов на содержание правительства и вследствие сокращения налоговых поступлений: государственные доходы упали с 4 миллиардов в 1930 г. до 2 миллиардов в 1931 г.; подоходный налог дал в 1930 г. свыше 2 миллиардов долларов, а в 1932 г. он упал до 1,056,765,697 дол.; в то же время расходы правительства подскочили в 1932 фискальном году до 5 миллиардов долларов. Между тем в промышленности — застой и не видно признаков ее оживления; в стране свыше 15 миллионов безработных, лишенных средств существования, а покупательная способность трудового населения почти исчезла. По официальным данным общая сумма заработной платы, составлявшая в 1929 г. 12 миллиардов долларов, упала до 4,5 миллиардов в 1932 г.

По сведениям подкомиссии Конгресса в 1931 г. было взыскано с американского населения различных налогов — 9,519,000,000 д., из коих федерального налога — 2,428,000,000 д., штатного — 1,967,000,000 дол., уездного — 958,000,000 дол., городского — 2,978,000,000 дол. и локального — 1,188,000,000 д. В том же году на содержание государственного аппарата было израсходовано 13,411,000,000 д. Иначе говоря, содержание федерального правительства обошлось американскому народу в 4,220,000,000 д., содержание штатных властей — 2,290,000,000 д., уездных — 1,505,000,000 д., городских — 3,810,000,000 д. и локальных — 1,586,000,000 д. По подсчетам подкомиссии государственные расходы возросли за последние 20 лет на 400%. Национальные богатства Соед. Штатов оцениваются в 239 миллиардов долларов и на каждые 100 дол. приходится 3 дол. 98 с. налога.

Из опубликованных министерством финансов статистических данных видно, что все штаты внесли в 1932 г. в государственное казначейство 1,420,068,593 д. налога, из которых 784,617,096 д. составляют подоходные налоги, а 635,451,497 д. разные другие налоги. Сравнивая с 1931 г., сумма налоговых поступлений сократилась на 493,986,029 д. — на 25%. Общая сумма, поступившая от разных налогов, увеличилась по сравнению с 1931 г. на 89,600,000 д. или на 16%, а сумма подоходных налогов уменьшилась на 583,400,000 д. или на 42%, что указывает на еще большее углубление кризиса. Из полученных от штатов в 1932 г. 1,559,613,345 д. налога федеральное правительство выдало штатам в форме займа 250,377,778 д.

К. Филиппович.

13 февраля 1933 г.

(Окончание следует)

Мария Исидоровна Гольдсмит

(М. КОРН)

М. И. Гольдсмит

С. И. Гольдсмит

Мария Исидоровна родилась в 1872 году в высококультурной, передовой радикально-либеральной русской дворянской семье. Отец ее, Исидор А. Гольдсмит, и мать, София Ивановна, урожденная Андросова, принадлежали к радикальным кругам русской интеллигенции 70-х годов.

И. А. Гольдсмит вместе с П. А. Хлебниковым и Д. А. Коропчевским издавал в С.-Петербурге, с Октября 1870 г. по апрель 1877 г., научный, критико-библиографический ежемесячный журнал „Знание", редакторами которого, помимо самих издателей, были еще А. П. Бородин и С. П. Глазенап. Журнал, за время своего существования, получил три предостережения от правительства. Последнее предостережение, 26 июня 1875 г., сопровождалось приостановкой издания на 6 месяцев. В 1877 г. издание журнала прекратилось. После этого И. А. Гольдсмит, вместе с Д. А. Коропчевским, становится редактором научного, литературного и политического журнала „Слово". „Слово" возникло из преобразованного журнала „Молва", оно начало выходить в 1878 г. и было закрыто в 1881 г. Журнал выходил в С.-Петербурге ежемесячно. В начале 80-го года журнал был приостановлен на три месяца, а в конце этого года редактирование журнала взял на себя Венгеров. Благодаря своим народническим взглядам и тесным связам с народническим движением и его деятелями, (П. Л. Лавров, например, был сотрудником „Знания", подписывался псевдонимом Миртов), И. А. Гольдсмит находился под неусыпным надзором полиции и жандармов и вместе со своей женой, Софией Ивановной, неоднократно арестовывался. Правда, аресты их не сопровождались длительными тюремными заключениями — обычно они скоро освобождались.

В подпольном журнале русской анархической социально-революционной партии „Земля и Воля" (№ 5, 8 апреля 1879 г.) в отделе „Хроника арестов", мы находим такую заметку, касающуюся четы Гольдсмит: „Кроме поименованных в № 3 „Листка Земля и Воля", в Москве с 6 на 7 марта арестованы . . . бывший редактор „Слова", Исидор Гольдсмит и его жена (оба освобождены)".

В 1878 г., после убийства С. Кравчинским (Степняк) шефа жандармов Мезенцева, царское правительство принялось за усиленные аресты радикальной молодежи и всех с точки зрения правительства неблагонадежных элементов. Среди арестованных этого времени мы находим и Софию Ивановну Гольдсмит. Знаменитый русский писатель и общественный деятель Владимир Короленко в своей „Истории моего современника" (т. 3, стр. 103-104, изд. „Возрождение", Москва-Берлин), рассказывая об этом случае, говорит, что она была арестована в поезде по пути заграницу, куда она ехала с поручением к П. Л. Лаврову. Ее выдал провокатор Глебов. Ее сняли с поезда, обыскали, но к удивлению ничего не нашли. Оказывается, что она раздумала и письмо к Лаврову передала надежной особе. Охранка вынуждена была освободить ее и купить новый билет до Варшавы.

София Ивановна училась заграницей, в Швейцарии, в Цюрихском Техникуме и яв-

ляется одной из немногих русских женщин того времени, которая окончила высшую школу со степенью доктора зоологии. Учась в Цюрихе, София Ивановна встречалась там с молодыми русскими девушками, которые впоследствии сыграли выдающуюся роль в революционном движении: С. И. Бардина, В. Н. Фигнер и ее сестра Лидия, сестры Любатович, Каминская и др. Благодаря ли влиянию П. Л. Лаврова, с которым она сблизилась заграницей и с которым впоследствии вся семья Гольдсмитов была в самых дружеских отношениях, или по каким либо другим причинам, но она не бросилась с головой в бушевавшее тогда революционное море, не пошла в народ. Она рано вышла замуж и ребенок, т. е. ныне покойный наш друг Мария Исидоровна, надо полагать, был причиной того, что Гольдсмиты не были увлечены активным народничеством 1872 — 4 годов и землевольчеством 1876 — 9 годов. Они предпочли легальную деятельность и не были теми, кого Богучарский называет „активными народниками", их скорее можно отнести к разряду радикальных либералов или социалистов культурников.

И. Г. Жуковский, К. М. Сибиряков, А. А. Жемчужников, А. А. Головачев, С. Венгеров, Е. Мальцева, Д. А. Коропчевский, П. А. Хлебников, А. П. Бородин, С. П. Глазенап, М. М. Ковалевский и их окружение — вот та среда, в которой Гольдсмиты жили в России и в которой росла Мария Исидоровна, это передовая радикально-либеральная русская интеллигенция, сливки легального радикализма тогдашней России.

В 80-х годах Гольдсмиты покинули столицу и перебрались на жительство в Каменец-Подольск, думая там отдохнуть от полицейских преследований. Но полиция не оставила их в покое и там. Скоро отца Марии Исидоровны привлекли по делу одного гимназиста, — грозила ссылка или еще более худшее. По совету адвоката Гольдсмит решил бежать заграницу, не ожидая окончания судебного разбирательства. Передоверив свое имение и все имущество своему адвокату, Гольдсмит вместе с семьей покинул Россию. Адвокат оказался человеком нечестным и обстряпал дело так, что Гольдсмиты остались заграницей без всяких средств. Поиски работы ни к чему не приводили. С отчаяния Гольдсмит бросился в Болгарию, надеясь пристроиться там. Это ему не удалось. Пришлось вернуться в Париж, где он через несколько лет умер, оставив молодую жену и дочь Марию, которой было не более 16 лет, без всяких средств. Смерть его так сильно подействовала на Софью Ивановну, что она пала духом, потеряла активность и не могла сопротивляться надвинувшейся нужде. Вся тяжесть борьбы за существование пала на молодую, в жизни неопытную девушку, которая до сих пор не знала подлинной нужды. Маня заняла место отца и стала поддерживать мать материально и духовно, ей пришлось стать, как она шутила, „мужчиной". Материальное положение этих двух одиноких, закинутых на чужбину женщин скоро стало очень тяжелым, настолько тяжелым, что Мария Исидоровна вынуждена была зимой носить летнее пальто.

Случилось так, что в это время, в конце 80-х или в начале 90-х годов, в Париж приехал известный русский ученый, историк культуры, М. М. Ковалевский, который в 1902 г. организовал в Париже Высшую Русскую Школу. Узнав о бедственном положении семьи своего покойного друга, Ковалевский посетил ее и, вспомнив, что он еще должен Гольдсмиту сколько-то рублей, снабдил ее деньгами. Но Ковалевский в этот визит не узнал подлинной нужды, в которой находились мать и дочь — они скрыли это от него. Скоро, однако, ему пришлось познакомиться с их нуждой и он пришел им на помощь.

Дело обстояло так. Не видя никакого выхода из создавшегося материального положения, Мария Исидоровна решила пойти к Ковалевскому с ответным визитом и за одно спросить его не сможет ли он устроить ее куда нибудь на работу.

Ковалевский радушно ее принял и обещал сделать все, что в его силах. Прощаясь, Ковалевский помог Марии Исидоровне одеться, — дело было зимой — не видя ее зимнего пальто, он спросил с удивлением:

— Барышня, а где же ваше пальто?

— Это вот и есть мое пальто, ответила Мария Исидоровна, указывая на летнее манто.

Тут Ковалевский понял степень нужды, в которой находится семья его умершего друга. Он устроил М. И. на работу. С этого момента и до последнего дня своей жизни Мария Исидоровна ела хлеб, добывая его собственным трудом.

Мария Исидоровна обучалась дома отцом и матерью и экстерном сдала экзамены за среднюю французскую школу на степень бакалавра. Высшее образование она получила в Сорбонне, Парижском университете. Мария Исидоровна пошла по стопам матери — она выбрала естественный факультет и стала специализироваться по биологии. Университет она окончила успешно и была оставлена при нем. Когда

именно она окончила университет я точно не знаю. Из письма Кропоткина к ней (см. „Интернациональный Сборник. П. А. Кропоткин и его учение“, стр. 239, изд. Федерац. русских а.-к. групп Соед. Штатов и Канады, Чикаго, 1931), можно заключить, что в 1897 г. она еще была студенткой. По окончании университета она стала ассистенткой знаменитого французского биолога, проф. Деляжа, и работала с ним до его смерти. Под конец своих дней Деляж ослеп и Мария Исидоровна была его глазами; он так ее и называл: „мои глаза“. При жизни Деляжа, но уже в период его слепоты, Мария Исидоровна вместе с ним опубликовала два больших труда (оба, фактически, были написаны ею) — „Теория эволюции“ и „Партеногенез“. В 1915 году за диссертацию „Физиологические и психические реакции рыб“ она получила степень доктора естественных наук. В 1927 году ею самою была издана большая работа „Сравнительная психология“. Все указанные труды покойного нашего друга пользуются большим авторитетом в научном мире. Помимо этих капитальных трудов ее перу принадлежит множество научных статей. С нею, как с ученым биологом, считались не только в научном мире, но и за его пределами. Так, знаменитый французский политический деятель „Тигр“ — Клемансо — когда писал свои мемуары, обратился ни к кому нибудь другому, а к ней за советами и раз'яснениями по биологии, которые ему нужны были для мемуаров. Как нибудь в другой раз я передам с ее слов историю ее визита к Клемансо.

Со смертью Деляжа положении Марии Исидоровны в университете пошатнулось. Новый профессор вел с собой новых людей, своих сторонников, сторонники Деляжа стали устраняться под тем или другим предлогом; им в шутку говорили: „покупайте зонтик“, что значило — приготовтесь к защите, на вас польется дождь клеветы, сплетен и подсиживаний. В конечном счете Марию Исидоровну лишили места ассистента, но она продолжала оставаться в „Ежегоднике Биологии“ секретарем. Скоро начали подкапываться под нее и здесь. Друзья советывали ей принять французское гражданство — она продолжала быть русской гражданкой — и тем устранить все националистические мотивы добивавшихся ее удаления из „Ежегодника“. Лет за 5 — 6 до трагической смерти она последовала совету друзей и приняла французское гражданство, но это не спасло положения, а только отсрочило неминуемую потерю места в дорогом ей „Ежегоднике“. В конце концов, она потеряла место и здесь. Противники Деляжа окончательно расправились с его сторонниками. В связи с этим ее материальное положение сильно пошатнулось и в последний год жизни приняло острый характер, но она никому не жаловалась — это было не в ее привычке.

В материальном и научном отношении ей неоднократно делались выгодные предложения из Америки (Институт Корнеги или Рокфеллеровский Институт), во Франции ей предлагали заведывать наблюдательной опытной зоо-биологической станцией на берегу моря, — последний пост занял ее приятель, русский профессор Давыдов — но она не могла принять эти предложения из-за слабого состояния здоровья своей матери — в течении последних 10 — 15 лет Софья Ивановна была слишком слаба и на далекие путешествия не была способна, оставить же ее одну на попечение посторонних Мария Исидоровна не решалась, это было сверх ее сил, ибо она безумно любила свою мать.

Чрезвычайная скромность и застенчивость, которыми отличалась Мария Исидоровна, были ее врагами: не смотря на свой талант и авторитет в научном мире, она постоянно оставалась в тени, ее постоянно оттирали ученые невежды, обладавшие нахальством и наглостью. Обладая большой эрудицией, имея имя в интернациональном научном мире, она стушевывалась и сжималась перед этими господами... Читая лекции, даже рабочим, она волновалась, нервничала, краснела, голос ее менялся до неузнаваемости — из приятного, душевного он переходил в чужой, неприятно-басистый. Когда ей говорила об этом моя жена и упрекала ее за психологию перепуганной школьницы, она добродушно смеялась и говорила: „знаю, Оля, что это очень глупо, но ничего не могу поделать с собой“.

Однако, Мария Исидоровна не принадлежала к тому разряду ученых, для которых мир ограничивался пределами их специальности, наоборот, она принимала активное участие, под именем М. Корн, М. Изидина, и др., в революционном движении, в анархическом движении, перед которым, особенно перед русским, она также имеет большие заслуги.

Будучи еще студенткой Сорбонны, Мария Исидоровна вошла в состав французского кружка „Студентов Социалистов-Революционеров Интернационалистов“, анархического по направлению. В 1897 г. остров Крит поднял восстание против Турции за национальную независимость. Среди французской студенческой молодежи это восстание вызвало симпатии и группа

студентов-антисемитов обратилась к кружку с предложением принять вместе с ними участие в агитации за независимость Крита. Кружок отказался действовать совместно с антисемитами и на этой почве возникла полемика между Кружком и журналом Ж. Грава „Тан Нуво", в которой активное участие приняла и Мария Исидоровна. Кружок обратился с письмом к Кропоткину с просьбой высказаться по спорным вопросам. Кропоткин ответил обширным письмом на имя Марии Исидоровны. (См. „Интернациональный Сборник. П. А. Кропоткин и его учение", стр. 239 — 249). Свое письмо Кропоткин закончил уверением, что на письма Марии Исидоровны „одно удовольствие отвечать" и передает привет Софьи Ивановне. Из этого можно заключить, что М. И. вела с Кропоткиным переписку и раньше этого письма, возможно, что Кропоткин был знаком с нею лично и с ее матерью.

В 1892 году группой русских анархистов, главным образом Ал. Атабекяном, была организована в Женеве первая русская анархическая типография, не считая типографий 70-х годов, которая стала печатать брошюры под общим названием „Анархическая Библиотека". Впоследствии эта типография перешла в распоряжение группы, душой которой были Г. Гогелия (Оргеиани) и его жена Лидия Владимировна Иконникова (Л. И-ва). В 1903 году эта группа начала издавать первый, после „Черного Передела", русский анархический журнал „Хлеб и Воля". Мария Исидоровна приняла в нем активное участие и вместе с Оргеиани и Кропоткиным содействовала возрождению и оформлению анархизма на русской почве. Журнал прекратил свое существование в 1905 г. Его приемниками стали Листки „Хлеб и Воля", в редакцию которых, кроме Кропоткина, Оргеиани и др., входила и М. И. Гольдсмит. В октябре 1906 г. состоялся небольшой с'езд в Лондоне русских Коммунистов-Анархистов. На этом с'езде М. И. принимала самое активное участие и прочитала три доклада: „Еще о политике и экономике", „Об организации" и „Всеобщая стачка". Результаты этого с'езда были опубликованы отдельной брошюрой („Русская революция и анархизм. Доклады читанные на с'езде Коммунистов-Анархистов, в октябре 1906 г." под редакцией П. Кропоткина. Лондон, 1907 г.) и несомненно сыграли большую роль в смысле программного и тактического самоопределения русского анархизма. Перу М. И. Гольдсмит принадлежат две брошюры: „Революционный синдикализм и анархизм" и „Борьба с капиталом и властью". О последней Кропоткин, в письме к Яновскому, отзывался так: „... брошюра, нашей милой Марьи Исидоровны — „Борьба против Капитала и государства" — (очень мне нравится)" ...

Вообще Кропоткин был очень высокого мнения о М. И., и, говорят, перед смертью выражал желание, чтобы она была его душеприказчицей, приводила бы в порядок все его рукописи и закончила бы второй том „Этики", который он набросал вчерне. Он только ее считал способной на эту работу как по научной подготовке, так по духу.

Во время войны М. И. закалебалась и некоторое время не могла определить своего отношения, но затем стала на точку зрения Кропоткина и присоединилась к знаменитому „Манифесту 16-ти". (См. „Интернац. Сборник, П. А. Кропоткин и его Учение", стр. 341, прим. 160).

После войны М. И. была глубоко заинтересована процессом развития русской революции и болезненно переживала ее вырождение в большевистскую реакцию. Она всем своим существом рвалась в Россию, которую оставила еще будучи ребенком, но болезненное состояние матери преграждало ей путь. По мере сил она старалась с пером в руках раз'яснять читателям на русском, французском и еврейском языках значение и характер русской революции и пыталась установить задачи народной революции вообще. Она сотрудничала в „Фрае Арбайтер Штимме" с момента перехода редактирования в руки Яновского до последнего дня своей жизни. Сотрудничала она в „Плю Люан", в „Рабочем Пути", в „Голосе Труженика", в „Дело Труда", в „Род ту Фридом" и в целом ряде других изданий. При издании нами, в 1931 году, интернационального сборника „П. А. Кропоткин и его учение" она приняла самое горячее участие в работе и вложила в этот сборник большую долю труда: писала, переводила, советывала, одним словом, не смотря на тяжелые материальные условия и болезнь матери, она работала с воодушевлением, не покладая рук.

Будучи преданной и последовательной кропоткинианкой, любя и обожая Кропоткина, как только может любить и обожать человек, М. И., тем не менее, не была догматична. Она чувствовала новые веяния времени, новые потребности и охотно шла им на-встречу. Она понимала, что пришло время, когда анархизм вступает в конструктивный период своего развития. Я помню, как мы в Париже в 1925 г. серьезно обсуждали проэкт книги-сборника по программным вопросам анархизма с учетом опыта русской революции, помню, как она была горько разочарована и больно пережила, когда между нами и ею не

получилось согласия по некоторым важным вопросам и проэкт пришлось отложить. Она была далека от фракционной узости и мы все попрежнему остались друзьями.

Приблизительно за год до смерти она мне писала, что хотела бы издать сборник своих статей и небольшую работу по истории революционного движения в России. Касса нашей федерации была опустошена изданием „Интернационального Сборника. П. А. Кропоткин и его учение“ и я не мог посоветовать ей обратиться за помощью по изданию к федерации, но предлагал прислать работу по истории революционного движения, она обещала, но прособиралась, а потом наступила трагическая развязка. **Было бы наилучшим проявлением уважения к умершему нашему другу и товарищу, если бы все мы составили фонд по изданию трудов М. И. Гольдсмит.**

Личная жизнь Марии Исидоровны Гольдсмит лишена театральной красочности и драматических эффектов, но зато окончилась она драматично. Конечно, М. И., несомненно пережила сильную душевную драму, но пережила ее молча, одна, никого в нее не посвещая, — она несомненно любила и была любима, но мать побеждала в ее сердце. Проходили годы, блекла красота, уходила молодость и незаметно подкралась старость. И оказалось, что вся жизнь прожита без личных женских радостей — мать была для нее всем: мужем и ребенком, жизнь была заполнена ею и она пошла вслед за нею в могилу, не пережив разлуки. Мать, наука и анархизм — вот главные каналы, по которым протекала ее жизнь.

Последние два-три года, втечении которых Софья Ивановна была прикована к постели, Мария Исидоровна неотлучно находилась при ней, вследствии чего теряла заработок и нужда снова, как в молодые годы, стала стучаться в двери дома двух одиноких замечательных русских женщин. По природе будучи страшной оптимисткой, М. И. не теряла надежды и не жаловалась — это было не в ее натуре. Однако, последний год в ее душу стали закрадываться сомнения и тревоги, которые нет-нет да проскользнут в письме. За 4-ре месяца до роковой развязки она писала: „Нет, дорогой Григорий Петрович, я, конечно, ничем не обижена и ничем не недовольна: я бы вам прямо написала. Причины тут, отвечает она на мои упреки за долгое молчание, личные: живется нам тяжело — особенно в последнее время мама себя очень плохо чувствует, может быть всего дня два как стало немножко легче. Кое какие обязательные дела и работы выполняются, а ведь душевное письмо написать или статью, требующую внимания — не выходит. От того и для „Дела Труда“ давно не писала, хотя в планах недостатка нет. Если будет возможность, пришлю Вам отчет о книге Бенара“ . . .

Увы! Этой возможности не оказалось. Это письмо оказалось ее последним письмом ко мне: в Нью-Иорке, перед началом лекции, мне принесли потрясающую весть об уходе из жизни дорогого друга и идейного товарища. Не хотелось верить, думал, что произошла ошибка, что умерла только Софья Ивановна, но проверка подтвердила правильность сообщения . . .

Осип и Эсфирь Жаба — наши и Марии Исидоровны друзья — которые последние дни и часы неотлучно были при Гольдсмитах, прислали нам несколько строк, рисующих трагедию.

„Накануне смерти Софьи Ивановны, в воскресенье 8-го января, мы провели у них весь вечер. Софья Ивановна умирала . . . Мы заставили М. И. на наших глазах перекусить и отдохнуть, заменив ее по уходу за С. И., которая находилась в агонии. С суботы на воскресенье Эсфирь провела у них всю ночь и в 3 ч. ночи должна была спешно пойти к Иоффе за каким нибудь спасительным средством . . . М. И. никак не могла допустить, что ее мама умирает . . После долгих бессоных ночей и недоедания, М. И. очень изменилась, поэтому мы провели у нее и весь вечер воскресенья. С воскресенья на понедельник у них ночевала Елена Тедесков, которая ушла от них в 7 ч. утра, а в 8 ч. Софья Ивановна скончалась. Таким образом, при всем нашем старании, М. И. все-таки в самый трагический момент оказалась одна . . . Она сама сходила за Иоффе, которая констатировала смерть . . . Иоффе просила М. И. быть стойкой и взять себя в руки. Она обещала. Но когда пришла погребальщица, то она не хотела ее впустить, говоря, что желает остаться хоть один час наедине с мамой. Почуяв в этом неладное Иоффе послала нам „пневматичку“, в которой просила Эсфирь немедленно придти к М. И. Я немедленно поехал к М. И. сообщить, что Эсфирь скоро придет. На мой стук и звон не последовало никакого ответа. Я возвратился домой и рассказал обо всем случившемся. Эсфирь предположила, что М. И. покончила с собой. Я напал на нее за такие слова и просил не говорить глупостей . . . В 12 часов она пошла к М. И. и, когда на ее отчаянные стуки и звонки не последовало ответа, она немедленно пошла к комиссару полиции и заявила, что ее подруга, вероятно, покончила с собой.

Когда взломали дверь и вошли в квартиру, то нашли М. И. лежащей на кровати со слабыми признаками жизни. Доктор заявил, что она приняла сильнодействующий яд... Ее немедленно отправили в больницу, но, несмотря на все усилия, привести ее в чувство не удалось. Она скончалась, не приходя в сознание, в среду 11-го января в 12 ч. дня...

Похоронили их рядом, но не одновременно, как хотела М. И. — Софью Ивановну похоронили 13-го, а Марию Исидоровну 14-го. У могилы тов. Х. Корнелиссен произнес прочувственное надгробное слово".

Мария Исидоровна оставила после себя краткую записочку, которая гласит:

„Я ухожу за ней. Прошу похоронить нас вместе. У нас есть два места рядом с отцом на кладбище Иври. Передаю и оставляю все в распоряжение А. Шапиро и Е. Бакуниной. Прошу накормить птиц и отдать их в надежные руки".

Эсфирь дорисовывает картину трагедии в таких словах.

„Дорогие друзья, Оля и Максимов, я абсолютно не могу писать, ибо очень волнуюсь, но считаю своим долгом добавить несколько слов к письму Осипа.

В субботу, когда Софья Ивановна была в агонии, она стала звать Марию Исидоровну.

— Манюся, я умираю!.. Спаси меня!.. Дай мне твою голову... Мария Исидоровна положила свою голову ей на колени, а я держала руку С. И., ибо она у ней очень дрожала.

Когда М. И. подняла голову, то на ее лице было полное отчаяние. Когда же Е. Бакунина, врач, которая вместе с Иоффе и одним профессором лечила С. И., сказала Марии Исидоровне, что ее маме плохо, то М. И. спросила ее:

— Неужели вы не можете ей помочь?

Бакунина ответила отрицательно и у М. И. набежала слеза, которую она сбросила рукой. Вид у нее был отчаянный...

Когда, после их смерти я, вместе с уборщицой, приводила в порядок их квартиру, то нашла уйму недогоревших писем, которые М. И. сжигала накануне смерти. Значит, она решила умереть, как только поняла, что ее мать умирает".

Так ушли из жизни две чудесные русские женщины, заброшенные на чужбину: одна — изжив свой век, другая — не дожив его.

Смерть Марии Исидоровны Гольдсмит — большая потеря для науки, огромная — для международного революционного анархического коммунизма, за идеи которого она боролась с юношеских лет.

Дорогой друг, дорогой товарищ, с чувством глубочайшего горя и скорби преклоняем колена перед прахом твоим и, отдавая дань нашей любви и уважения к тебе, мы с любовным укором спрашиваем тебя: зачем ты это сделала?

Без тебя земля беднее стала, ибо в тебе она потеряла одну из лучших и чудеснейших своих дочерей.

Скорбит душа и с твоей смертью не мирится сердце...

Г. Максимов.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА

(62-я годовщина)

В течении шестидесяти двух лет много писалось о Парижской Коммуне, поэтому трудно сказать что-либо новое о ней. Пятьдесят пять лет тому назад одесские рабочие послали адрес французским рабочим. Читая этот адрес, возникает вопрос — какой адрес могли бы послать теперь русские рабочие, находящиеся под большевистским режимом, французским? Они подписались бы под адресом 1878 г. одесских рабочих — в России попрежнему господствует деспотизм и попрежнему у русского пролетариата и крестьянства остаются теже самые задачи: ниспровержение деспотизма, борьба за идеи Парижской Коммуны, поэтому мы, Анархисты Коммунисты, представители крайне-левой русского пролетариата и крестьянства, продолжатели дела одесских рабочих, от своего имени и от имени угнетенных российских масс посылаем французским рабочим неизмененный адрес наших славных предшественников и тем подчеркиваем, что власть, именуемая „Диктатурой Пролетариата", есть деспотия, ничем не лучшая царской. Одесские рабочие писали:

Одесские рабочие, собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Парижской Коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный братский привет. Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г., на баррикадах Парижа, столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей. **Мы трепетно ждем наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплоататоров, за торжество умственной, нравственной и экономической свободы. А пока у нас идет глухая, неравная борьба, в которой гибнут медленной мучительной**

смертью, в тюрьмах и каторге, наши лучшие люди, эти мужественные застрельщики святого дела народного освобождения. Вы правы были, когда в 1871 г. вы говорили, что сражаетесь за ВСЕ человечество: да, интересы всех народов так тесно связаны между собой, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собою торжество народа во всем мире. Французские рабочие! Когда наступит время и вы снова поднимете красное знамя социальной революции, то пусть одушевляет вас тоже самое геройское мужество и горячая любовь к человечеству, какие одушевляли борцов 1871 г., — но пусть для блага всего человечества победа увенчает на этот раз ваши многолетние труды. („Адрес русских рабочих французским". ОБЩИНА (анархический орган), 1878 г., № 3 — 4, стр. 4 — 5).

КРОНШТАДТСКАЯ КОММУНА

(12-я годовщина)

18 марта 1871 г. родилась Парижская Коммуна, а 18 марта 1921 умирала, исходя кровью, Кронштадтская Коммуна. Когда звероподобные Тьер и Галифе заливали Париж рабочей кровью, расстреливая Коммуну, содрагался от ужаса и злобы весь трудовой мир, а когда Ленин и Троцкий проделали тоже самое с Коммуной Кронштадта, то огромная часть рабочего мира не издала звука протеста, так как не допускали, что большевики могут расстреливать Коммуну и Свободу, стремясь сами к Коммуне и Свободе. По всему миру величайшие негодяи социализма, Ленин, Троцкий и их партия, оболгали Кронштадт, уверив всех, что Кронштадт — это белогвардейщина. Многие так думают и сейчас. Задача революционеров — восстановить революционную честь и доброе имя мужественных кронштадтских матросов, красноармейцев и рабочих. Мы выполняем этот долг, публикуя ниже первое воззвание Военно-Револ. Комитета Кронштадта и резолюцию, за которую большевики, черносотенцы под красным знаменем, утопили доблестный город в крови, а его защитников перебили и расстреляли тысячами, сгноили и продолжают гноить десятки тысяч в тюрьмах и ссылках. Товарищи, разносите повсюду правду о Кронштадте.

К НАСЕЛЕНИЮ КРЕПОСТИ И ГОР. КРОНШТАДТА.

Товарищи и граждане!

Наша страна переживате тяжелый момент. Голод, холод, хозяйственная разруха держит нас в железных тисках вот уже три года. Коммунистическая партия, правящая страной, оторвалась от масс и оказалась не в силах вывести ее из состояния общей разрухи. С теми волнениями, которые в последнее время происходили в Петрогаде и в Москве, и которые достаточно ярко указали на то, что партия потеряла доверие рабочих масс, она не считалась. Не считалась и с теми требованиями, которые пред'являлись рабочими. Она считает их происками Контр-Революции. Она глубоко ошибается.

Эти волнения, эти требования — голос всего народа, голос всех трудящихся. Все рабочие, моряки и красноармейцы ясно в настоящий момент видят, что только общими усилиями, общей волей трудящихся можно дать стране хлеб, дрова, уголь, одеть разутых и раздетых, и вывести республику из тупика. Эта воля всех трудящихся, красноармейцев и моряков определенно вылилась на гарнизонном митинге нашего города во вторник 1-го марта. На этом митинге единогласно была принята резолюция корабельных команд 1 и 2 бригад. В числе принятых решений было решено произвести немедленно перевыборы в Совет. Для проведения этих выборов на более справедливых основаниях, а именно так, чтобы в Совете нашло себе истинное представительство трудящихся, чтобы Совет был деятельным и энергичным органом.

2 марта с. г. в Доме Просвещения собрались делегаты всех морских, красноармейских и рабочих организаций. На этом собрании предлагалось выработать основание новых выборов с тем, чтобы затем приступить к мирной работе по переустройству Советского строя. Но ввиду того, что имелись основания бояться репрессий, а также вследствии угрожающих речей представителей власти, собрание решило образовать Временный Революционный Комитет, которому и передать все полномочия по управлению городом и крепостью.

Временный Комитет имеет пребывание на лин. кор. „ПЕТРОПАВЛОВСК".

Товарищи и граждане! Временный Комитет озабочен, чтобы не было пролито ни одной капли крови. Им приняты чрезвычайные меры по организации в городе и крепости и на фортах Революционного порядка.

Товарищи и граждане! Не прерывайте работ. Рабочие, оставайтесь у станков, моряки и красноармейцы в своих частях и на фортах. Всем советским работникам и учреждениям продолжать свою работу. Временный Революционный Комитет призывает все рабочие организации, все мор-

ские и все профессиональные союзы, все морские и военные части и отдельных граждан оказать ему всемерную поддержку и помощь. Задача Временного Революционного Комитета дружными и общими усилиями организовать в городе и крепости условия для правильных и справедливых выборов в новый Совет.

ИТАК, ТОВАРИЩИ, К ПОРЯДКУ, К СПОКОЙСТВИЮ, К ВЫДЕРЖКЕ, К НОВОМУ ЧЕСТНОМУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ НА БЛАГО ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ.

Кронштадт, 2 марта 1921 г.
Лин. кор. „Петропавловск".

Председатель Вр. Рев. Комитета
ПЕТРИЧЕНКО
Секретарь ТУКИН

РЕЗОЛЮЦИЯ

Общего собрания команд 1 и 2-й бригад линейных кораблей, состоявшегося 1 марта 1921 года

Заслушав доклад представителей команд, посылаемых общим собранием команды с кораблей в гор. Петроград для выяснения дел в Петрограде, постановили:

1) В виду того, что настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян, немедленно сделать перевыборы советов тайным голосованием, причем перед выборами провести свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

2) Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий.

3) Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских об'единений.

4) Собрать не позднее 10 марта 1921 г. безпартийную конференцию рабочих, красноармейцев, матросов гор. Петрограда и Кронштадта и Петроградской губ.

5) Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями.

6) Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях.

7) Упразднить всякие ПОЛИТОТДЕЛЫ, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели. Вместо них должны быть учреждены, с мест выбранные Культурно-просветительные комиссии, для которых средства должны отпускаться государством.

8) Немедленно снять все заградительные отряды.

9) Уравнять паек для всех трудящихся, за исключением вредных цехов.

10) Упразднить коммунистические боевые отряды во всех воинских частях, а также на фабриках и заводах разные дежурства со стороны коммунистов, а если таковые дежурства или отряды понадобятся, то можно назначать в воинских частях с рот, а на фабриках и заводах по усмотрению рабочих.

11) Дать полное право действия крестьянам над всею землею так как им желательно, а также иметь скот, который содержать должен и управлять своими силами, т. е. не пользуясь наемным трудом.

12) Просим все воинские части, а также товарищей военных курсантов присоединиться к нашей резолюции.

13) Требуем, чтобы все резолюции были широко оглашены печатью.

14) Назначить раз'ездное бюро для контроля.

15) Разрешить свободное кустарное производство собственным трудом.

Резолюция принята бригадным собранием единогласно при двух воздержавшихся.

Председатель Бригадного Собрания
ПЕТРИЧЕНКО
Секретарь ПЕРЕПЕЛКИН

Резолюция принята подавляющим большинством всего Кронштадтского Гарнизона. Председатель ВАСИЛЬЕВ.

Вместе с тов. Калининым голосует против резолюции Васильев.

КРОНШТАДТСКИЕ ЧАСТУШКИ

(Поется на мотив: „Было дело под Полтавой")

Всероссийская коммуна
Разорила нас до тла,
Коммунистов диктатура
Нас до ручки довела.

Мы помещиков прогнали,
Ждали волюшки, земли,
Всех Романовых стряхнули,
Коммунистов обрели.

Вместо воли и землицы
Чрезвычайку дали нам,
И советские хозяйства
Насадили тут и там.

Хлеб, скотину забирают,
Пухнет с голоду мужик.
У Еремы взяли сивку,
У Макара и сошник.

Нет ни спичек, керосину,
Все с лучиною сидят,
При коммуне большевистской
Только карточки едят.

Вот, прислали на деревню
Пять аршинов кумачу.
Все забрали камиссары
Ни вершка середняку.

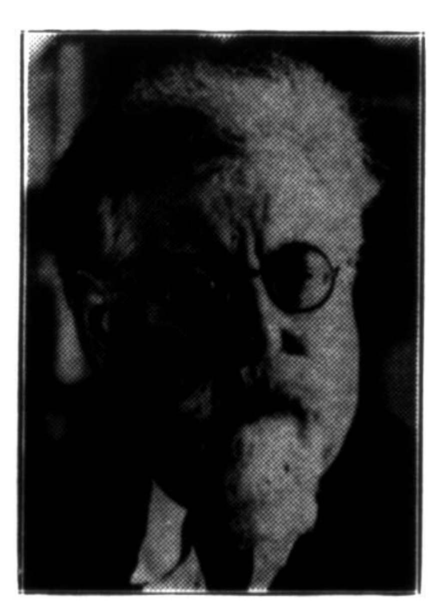
И восстали по России
За землицу мужики,
А в „Известиях" все пишут —
„Взбунтовались кулаки".

Чрезвычайник выезжает,
Что твой царский генерал,
Кровью землю заливает,
Все до нитки обобрал.
Для нас барщину вновь вводят,
Эй, проснитесь, мужики!
Пьют, едет, как прежде баре,
Лишь одни большевики.

Подымайся, люд крестьянский!
Всходит новая заря —
Сбросим Троцкого оковы,
Сбросим Ленина царя.
Диктатуру ниспровергнем,
Труду волюшку дадим,
Землю, фабрики, заводы
Для труда распределим.

Труд равненье установит,
С трудом вольным навсегда
Братство всех людей настанет,
А иначе никогда.

РУДОЛЬФ РОКЕР

Нашему другу и общему идейному товарищу, Рудольфу Рокеру, 25-го марта исполнилось 60 лет, из коих 40 лет падает на революционную анархическую деятельность.

В то время, когда один за другим ушли из жизни Галияни, Э Пуже, Э. Малатеста и Мария Исидоровна Корн, приятно и отрадно отмеить, что среди нас продолжает жить и усердно работать в интересах социальной революции Р. Рокер. Однако, наша радость омрачается тем обстоятельством, что шестидесятилетие тов. Рокера совпало с торжеством фашизма в Германии, что угрожает не только прервать революционную деятельность нашего дорогого юбиляра на своей родине, но, как в кайзеровские времена, не исключена даже возможность тюремного заключения или вынужденной эмиграции. Будем надеяться, что, если это случится, то не надолго и что это не надорвет силы тов. Рокера, которые так нужны нашему движению, интернациональному анархическому движению. Да минет его чаша сия! Не может быть, чтобы немецкая социал-демократия успела привить пролетариату лакейские чувства, которые позволят терпеть баши-бузукский режим Гитлера. Нет, мы верим в революционность немецкого пролетариата, мы уверены, что есть еще революционный порох в его пороховнице . . .

Во времена империи, Рокер, как анархист коммунист, вынужден был, спасаясь от преследований, эмигрировать. Большую часть своей эмигрантской жизни он провел в Лондоне, где подружился с П. А. Кропоткиным, с которым разошелся в 1914 году по вопросу о войне — Рокер занял интернационалистскую позицию. Этот разрыв с Кропоткиным он тяжело пережил, ибо страстно любил его, больше чем сыновней любовью. Несмотря на разрыв с Кропоткиным, Рокер продолжал и продолжает любить его до такой степени, что, когда вспоминает о нем, рассказывая различные эпизоды из его жизни, не может владеть своими чувствами, нежными, теплыми чувствами к великому покойнику.

Живя в лондонском „гетто“, Рокер научился еврейскому языку и этот „гой“ долгое время был редактором еврейской анархической газеты „Арбайтер Фрайнд“. Написал несколько книг на еврейском языке и в истории развития новейшей еврейской литературы занимает ныне очень видное место. По-истине, судьба играет человеком! . . .

Живя в Лондоне, Рокер принимал активное участие в делах Комитета Помощи Ссыльным и Заключенным Русским Анархистам, что делал до текущего года и в Берлине. В 1907 г. на Амстердамском Международном Анархическом Конгрессе был избран секретарем Анархического Интернационала и продолжал быть таковым до войны.

Во время мировой империалистической войны Рокер был арестован английским правительством как немец, анархист и антимилитарист и был заключен в лагерь гражданских военно-пленных. Об этом периоде жизни он написал об'емистые воспомина-

ния: "Hinter Stacheldraht und Gitter" („За колючей проволокой и решеткой"). Ноябрьская германская революция 1918 г. открыла ему доступ на родину, где он примкнул к анархо-синдикалистскому движению, которое в настоящее время обязано ему очень многим. Он является одним из основателей Международного Товарищества Рабочих (Берлинский Анархо-Синдикалистский Интернационал), генеральным секретарем которого он был избран и до сих пор продолжает оставаться. С момента основания Интернационала деятельность Рокера приняла международный характер в полном смысле этого слова. Его перу принадлежит теоретическая часть „Статутов Международного Товарищества Рабочих". Благодаря ему революционный синдикализм открыто и безоговорочно стал на платформу анархического коммунизма — это огромнейшая заслуга Рокера перед анархическим и рабочим движением. Первый параграф „Основных положений революционного синдикализма" гласит следующее:

„Революционный синдикализм, опираясь на классовую борьбу, стремится к об'единению всех работников физического и умственного труда в боевые экономические организации во имя освобождения от ига капитала и власти.

Его целью является переустройство всей общественной жизни на основе свободного коммунизма, посредством всеобщего революционного действия самого рабочего класса".

Во втором параграфе мы читаем:

Революционный синдикализм „считает, что с уничтожением института собственности, должна исчезнуть также и власть: всякое государство, в какую бы форму оно не облекалось, хотя бы в форму „Диктатуры Пролетариата", никогда не может быть орудием освобождения, но всегда явится творцом новых монополий и новых привилегий".

Другой заслугой Рокера перед международным рабочим движением является его борьба с большевистским гипнозом. Не в пример другим, Рокер не руководился вредными и ошибочными мотивами, что нельзя говорить пролетариату правду о большевиках, потому что эту правду использует буржуазия в своих интересах. Наоборот, он считал, что пролетариату всегда нужно говорить правду, как бы она горька не была. И он, можно сказать, был единственным, или почти единственным, который не устрашился в своей брошюре „Банкротство большевиков" ознакомить западно-европейский пролетариат с резолюцией анархо-синдикалистской первой всероссийской Конференции, состоявшейся 25-го августа 1918 г., принятой по моему предложению и которая гласила:

„Признавая, что наша революция является революцией социальной, долженствующей зажечь мировой пожар решительной схватки классов и, принимая во внимание, что она в данный момент находится под тройным ударом контр-революции: иностранной буржуазии, внутренней контр-революции и господствующей ныне партии, ставшей контр-революционной после заключения Брестского мира и измены пролетариату Польши, Литвы, Украины, Финдляндии и др. — первая всероссийская конференция анархо-синдикалистов считает необходимым в спешном порядке организовать свои силы для борьбы с врагами революции и рабочего класса, для дальнейшего углубления и продолжения.

С этой целью анархо-синдикалистская конференция рекомендует товарищам в данный момент проводить в жизнь и внедрять в сознание рабочих масс необходимость борьбы:

1) за раскрепощение от государственного капитализма и всякой власти,

2) за КОММУНАЛЬНУЮ революцию в области политической через об'единение ВОЛЬНЫХ СОВЕТОВ на основе федерализма, и за СИНДИКАЛЬНУЮ революцию в области экономической, таким же об'единением независимых рабоче-крестьянских производственных организаций,

3) за воссоздание ВОЛЬНЫХ СОВЕТОВ Р. и К. Д. и уничтожение института Народных Комиссаров, как организации противной интересам рабочего класса,

4) за уничтожение армии, как института, и за всеобщее вооружение рабочих и крестьян, раз'ясняя вздорность понятия „социалистическое отечество", ибо таковым может быть только весь мир,

5) против черной контр-революции, как например, против чехо-словаков и прочих наймитов мирового империализма, не забывая, что бывшая архи-революционная партия большевиков сделалась партией застоя и реакции,

6) за передачу дела продовольствия в руки пролетарско-крестьянских организаций и за прекращение вооруженного похода в деревню, ибо это восстанавливает крестьян против рабочих, ослабляет революционный фронт и играет на руку контр-революции".

Ко всему прочему Рокер является прекрасным писателем и замечательным, великолепным оратором — его лекции и митинги в Германии всегда проходят с шумным успехом и с большим пропагандистскими результатами. Как личность он очарователен и пользуется всеобщей любовью... Из больших печатных трудов Рокера, кроме вышеуказанного, следует упомянуть еще **"Johan Most. Das Leben eines Rebellen"** („Иоган Мост. Жизнь одного бунтовщика"). В течении ряда лет Рокер работает над книгой по национальному вопросу — вопрос в нашей литературе мало разработанный — и мы не сомневаемся, что этот труд будет ценным вкладом в нашу анархическую литературу. На русский язык переведена его брошюра — „Сущность федерализма в противовес централизму. Анархизм и организация". Кроме того он сотрудничал в некоторых русских анархических изданиях прошлого десятилетия, как например: „Рабочий Путь",

„Анархический Вестник", „Голос Труженика", „Дело Труда", в котором, надеемся, он будет сотрудничать и в будущем.

От всего сердца желаем нашему дорогому юбиляру многие лета жить и здравствовать и неутомимо продолжать свою высокоценную анархическую деятельность и борьбу за торжество в мире великих принципов АНАРХИИ и КОММУНИЗМА.

Г. Максимов.

ИСПАНСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Поразительное сходство хода Испанской революции с развитием до-октябрьских революционных событий в России вызвало у многих революционных рабочих слишком легкое отношение в оценке перспектив и движущихся сил революции. Это отношение основывается главным образом на суждении по аналогии, на примеривании каждого отдельного этапа Испанской революции к готовому шаблону событий, имевших место в ходе русской революции. Суждение по аналогии — самый ошибочный метод в познавании исторических процессов, каждый из которых имеет свою неповторимую индивидуальность, составляющую столь же неот'емлемую часть его основной природы, как и то, что сближает его с аналогичными процессами. Познавать и оценивать исторические события значит не только установить то общее, что имеется в целом ряде сходных комплексов событий, происходящих в разные отрезки времени, но также найти то, что отмечает одно от другого, что придает каждому из них особенность конкретного исторического момента. Правильный подход к испанской революции требует, потому, наряду с изучением общих законов ее движения, совпадающих, конечно, со всеми великими революциями, а с Октябрьской в частности, также установления индивидуальных отличий ее, которые дали бы возможность наметить вероятный путь ее развития в ближайшем будущем.

Такой подход совершенно закрыт для коммунистов-большевиков всех мастей и оттенков, строящих свою интернациональную тактику на основе самого грубого, и вульгарного метода исторической аналогии. Октябрьская революция, да и вдобавок в сильно извращенном истолковывании, является для них не конкретным историческим фактом, имеющим кроме универсального своего значения также некую неповторимую особенность, сложившуюся в результате действия целого ряда факторов чисто местного значения. Октябрьская революция для них — это идеальная норма революционного развития, претворившаяся в революционное действие. В этой норме нет ничего исторически случайного, излишнего, что может быть избегнуто революционным движением остальных стран. Каждый этап в развитии последнего должен точно соответствовать аналогичному периоду русской революции. Они могут понять кое что в революции остальных стран лишь тогда, когда они в состоянии найти какия нибудь аналогии или совпадения. Отклонения от Октябрьской нормы развития, все что пробивается самостоятельной струей в живом творчестве крупной народной революции, — все это приводит их в недоумение и ярость. Возмутительная, беспримерно-гнусная кампания лжи и клеветничества, которую коммунисты всех оттенков вот уж два года ведут против испанских анархистов, об'ясняется не только своеобразной этикой большевистской идейной борьбы. Они действительно поставлены в тупик, действительно недоумевают по поводу революционного движения, которое своим ростом опровергает все их установившиеся теории по поводу хода революции, преследующей столь своеобразный путь развития, что втиснуть ее в рамки уже готового шаблона революционного процесса никак не представляется возможным. Революция как будто таже: глубочайшее потрясение социальной жизни, безпомощность демократической республики пред лицом задач, поставленных революцией, безпрерывный рост народного движения на почве банкротства буржуазной демократии, — все это как будто напоминает пред-октябрьскую ситуацию. И вместе с тем какая разница в темпе развития, в характере руководящих сил! Революция уже продолжается около двух лет, а правительство все еще держится, успешно подавляя вспышки народных восстаний. Коммунистическая партия, вопреки всем разсчетам и Октябрьскому прецеденту, не только что становится руководящей силой, но продолжает прозябать в том же жалком положении, что и раньше. Даже коммунистические оппозиции имеют больше веса и значения, чем официальная партия, да и то только в мере того, как им удается установить какой нибудь контакт с могучей анархо-синдикалистской С. Н. Т. (Всеобщая Конфедерация Труда). И самым странным, необ'яснимым для коммунистов является необычайная мощь анархического движения. За последнее время они так

усердно хоронили анархическое движение, что они и в серьез поверили в свои собственные измышления. Как будто анархисты не являлись в Испании самым действенным революционным фактором даже в самые тяжелые времена последней реакции, как будто они в своих широко-разветленных подпольных организациях не втянули все боевое, талантливое, молодое, что имелось в испанском рабочем классе, составив даже тогда грозную все растущую силу. Все это тщательно замалчивалось и скрывалось, и вот почему мощный рост анархических организаций поставил коммунистов в такой тупик. И вот почему, следуя упрощенной своей логике, они об'являют своеобразие испанской революции историческим вывихом, историческим уродством, нарушением нормального хода революции, вторжением „чужого", „антиреволюционного анархического движения. „Революция — они кричат — заводится анархистами в тупик, анархисты губят революцию своей ложной тактикой" „Анархисты и синдикалисты вот уже два года возятся и ничего не могут сделать, а мы вот совершили переворот в 7 месяцев". Такого рода дурацкое бахвальство можно слышать не только от рядовых коммунистов, но и от виднейших лидеров Коммунистического Интернационала, нестесняющихся выступить открыто с такого рода утверждениями.

Собственно говоря, на всем этом не стоило бы останавливаться, еслиб такого рода суждения не находили отклика в рядах рабочих, находящихся вне влияния коммунистической партии. Даже в анархических рядах часто проявляется нетерпеливое отношение по поводу медленного темпа развития испанской революции, по поводу временных поражений, которые народное революционное движение терпит, по поводу ограниченного характера целого ряда вспышек. Такого рода отношение вытекает, как уже было указано, из слишком близкого отождествления испанской революции с русской 1917-го года. Размеры этой статьи не позволяют мне остановиться подробнее на анализе индивидуальных отличий испанской революции. Укажу лишь на главное, обычно упускаемое из вида в суждениях о характере ее развитии.

Свержение монархии не вызвало такого паралича государственной власти, как это было в России после февраля 1917-го года. Испанская революция не была народной в том смысле, в каком можно считать февральскую революцию в России. Роль буржуазии в испанском перевороте была гораздо значительнее, и ей удалось сохранить старый государственный аппарат в сравнительно нетронутом виде. Дезорганизация государственной власти является необходимейшим условием успешной народной революции и в этом отношении февральская революция создала исключительно благоприятные условия, хотя в отношении создания новых социалистических форм на другой день после Октябрьской революции эти условия явились громаднейшим тормазом. Эти условия выразились, главным образом, в том, что военная сила сразу выскольнула из рук новообразовавшейся власти, которая, вдобавок, почти что была нейтрализована огромным авторитетом рабочих и солдатских советов. Февральская революция была совершена народной массой — рабочими и солдатами — и последующие семь месяцев были углублением этой начавшейся народной революции, постепенным высвобождением народных масс из под влияния социал-соглашателей, пытавшихся укрепить враждебную государственную власть и свести на нет роль народных советов, как это они сделали в Германии.

Испанская же революция апреля 1931-го года не опиралась в такой степени на непосредственном участии народных масс. Испанская буржуазия вмешалась во время, почувствовав, что еще немного — и разлагающаяся монархия увлечет в своем падении самые основы современного социального строя. Самой крупной подпольной силой во время диктатуры были анархические и анархо-синдикалистские организации (Ф. А. И. — Испанская Анархическая Федерация и С. Н. Т. — Национальная Конфедерация Труда). Несмотря на свирепейшие преследования, они сумели провести несколько крупных забастовок общенационального значения, революционный характер которых стал ясен каждому. Давлением этой могучей подпольной силы, концентрировавшей вокруг себя все растущее народное недовольство, и об'ясняется резкая перемена фронта со стороны средней и мелкой буржуазии. Опасность того, что анархо-синдикалисты станут хозяевами положения, если свержение монархии будет представлено им только, сознавалась и открыто формулировалась многими буржуазными лидерами. Буржуазия во время переменило фронт, устроив переворот с помощью оппозиционного офицерства. Рабочие и солдатские массы участвовали лишь косвенно, как грозная третья сила, которая своим возможным вмешательством наводила страх на обе стороны. Быстрая самоликвидация монархической власти и бегство короля необ'ясняется боязнью его перед бывшими своими советниками — теперешним президентом республики, или социалистичес-

кими чиновниками, еще недавно полностью поддерживавшими диктатуру Примо-Де-Ривера.

Буржуазия предупредила народное движение, удержав старый государственный аппарат. Армия и флот попрежнему находятся в руках дворянско-офицерской среды, солдатская масса еще послушное орудие в ее руках. Полицейский аппарат созданный генеральской диктатурой для специальной задачи усмирения рабочих — так называемая „Сивиль Гард" (Гражданская Гвардия) сохранена полностью и теперь пускается в ход республиканской властью против бастующих рабочих. Произошла перемена политического фасада в то время как основы старой власти остались нетронутыми. Истинно народная революция еще не произошла, она лишь теперь нарастает.

Это конечно не означает, что буржуазия сумела преградить дорогу народной революции ловким политическим маневром. Хотя народ не явился главным фактором в совершении переворота, но он его понял по своему: как призыв к новой жизни, как освобождение от тысячелетнего социального гнета, олицетворенного павшей монархией. Как бы буржуазия и ее прислушники — испанская социал-демократия — не пытались успокоить народ одними политическими реформами, жизнь все более и более выдвигает на очередь крупные социальные перемены и в первую голову выкорчевывание социальных устоев, на котором монархия держалась. Пред лицом этих задач парламентская демократия обнаруживает присущую ей робость и малодушие. Те куцие реформы, которые они решились сделать, явились в результате подхлестывания власти вспышками народных восстаний. Свою видимость антиклерикальной политики она проявила лишь после волны поджегов церквей. Ничтожная, никого не удовлетворяющая земельная реформа была спроектирована лишь после крупных восстаний анархических крестьянских масс. Даже эти куцие реформы не проводятся, ибо в безпощадной борьбе против рабочих масс правительство должно опираться все больше и больше на реакционные круги, подготавливая этим почву для фашистского движения, как это было в Германии.

Сравнительная крепость государственного аппарата в революционной Испании означает, что путь к победе народной революции гораздо труднее, извилистее, чем в Октябрьской России. Но это же означает, что она не будет иметь столь стихийно-разрушательный характер. Расшатывание и дезорганизация государственной власти произойдет в процессе трудной борьбы, которая вместе с тем разовьет и укрепит положительно-созидающия силы революции. Испанская революция будет совершена с большей трудностью, но в ней будет меньше хаоса и разрухи, больше положительного творчества, больше истинно социалистической направленности и сознательности, больше духа гуманитарности и свободы. Это будет революция „либертарного коммунизма", как наши испанские товарищи любят называть свой анархизм — и в этом громадное мировое значение совершающихся испанских событий.

Б—ский.

„МЫ ЖЕ БОЛЬШИНСТВО!"

(Из сокровищницы пан-партийной аргументации)

Нет ничего противнее и отвратительнее того, как пан-партиец, включая социалистов и коммунистов, переполненный горделивости и тупоумного самодовольства, становясь в позу дон-кихотовской самоуверенности, кидает в своих противников, а особенно в анти-партийцев, самое тяжелое и, по его мнению, наиболее смертоносное ядро своей аргументации:

— „Мы же большинство!"

— „Не с вами, а с нами идет масса!"

Уже не говоря о том, что такой аргумент, по сути своей ошибочен, что само обусловливанне якобы доброкачественности идет от **количества** ее последователей уменьшает самоценность этой идеи; — верили бы хоть пользующиеся этим аргументом в правоту последнего, были бы они хоть искренни и „честны с собой", тогда можно было бы с ними **спорить**, как с заблужденными, но без примеси гадливого чувства, вызываемого **сознательной фальшью** и заранее взвешенной демагогией.

А все горе ведь в том, именно, что сознательная фальшь изобилует у пользующихся названным аргументом!

Ибо нет сомнения, что они сами прекрасно понимают всю неубедительность этого своего аргумента, напоминающего „мы их шапками забросаем", они великолепно знают, что их-же орудие другие, количественно превосходящие их, могут обратить против них самих . . .

Оставим в покое **буржуазных** партийцев, пользующихся в своей междуусобной

партийной борьбе названным „аргументом“. Возьмем более близких нам **социалистов и коммунистов.** А что в том, например, что в Германии больше социал-демократов чем коммунистов? В России же, наоборот, больше коммунистов, чем социалистов, и — правду нужно сказать — не только потому, что социалисты там **гонимы и нелегальны,** но потому, что массы, и помимо боязни перед тюрьмами, не льнут там к реформаторскому социал-демократизму.

А **социализм вообще** и целиком, на всех его разнородных толках и направлениях, коммунизм и анархизм включительно, разве остался бы от его „доброкачественности“ пух и прах, если подошли бы к нему с мерилом **количества** приверженцев?

Ведь социалисты, все вместе взятые, пока еще **меньшинство** в мире, пролетариат сознательный — капля в море, допустит ли социалист или коммунист, пользующиеся названным „аргументом“ в отношении других, что в силу указанного обстоятельства следует социализму или коммунизму, как таковым, „сложить оружие“ и отказаться от себя?...

„Сегодняйшее меньшинство может и должно завтра сделаться большинством“ — заявят всякие социалисты **или коммунисты.**

Отчего же они такого точного заявления не допустят и у их противников, в которых они кидают ядро своего случайного большинства здесь или там?...

Названный „аргумент“ кидается социалистами и коммунистами авторитетной окраски с особенной охотой против **анархистов.** И печальнее всего, что в рядах самих анархистов этот пущенный против них „аргумент“ вызывает порой **смятение,** печально и то, что многие анархисты склонны считать этот „аргумент“ настолько серьезным, что стараются его отпарировать доводами и „смягчающими вину обстоятельствами“. Необходимо его обойти совершенным **ироническим молчанием.**

Ибо кто, как не анархисты, знают всю случайность и искусственность созданных „большинств“ в эту мрачную эпоху порабощения масс, как материального, так и психологического?...

И кто, как не анархисты, вправе с полной искренностью и уверенностью заявить другим так же, как самим себе:

— Сегодня мы меньшинство, а завтра — завтра **будем большинство!..**

И. Рубин,

Палестина.

ГДЕ ЖЕ КОРЕНЬ ЗЛА?

В детроитском отделе газ. „Рассвет“, от 18-го марта, № 62, помещена статья: „Гидра монархизма“, подписанная псевдонимом ЧЛЕН СОЮЗА. В этой статье мы читаем следующие замечательные по признанию строки:

„Обанкротившийся меньшевик Тимошенко является посредником между монархистами и русской колонией в Детроите с целью создать что то единое.

К моему великому удивлению, он, в воскресенье 12 марта, в сопровождении тестя, местного церковного старосты Шинкаренко, появляется и у нас на Россель улице в целях сближения наших организаций с монархическим кругом. Он предлагает нам не идти к монархистам, не вливаться в их ряды, а лишь создать вместе с ними центральный комитет, который являлся бы единым и неделимым представителем русской колонии в Америке. Что же получилось? Получилось то, что меня страшно поразило. Некоторые из старых колонистов всем своим существом поддерживали такое сближение. Выступавшие некоторые товарищи, старавшиеся доказать, что если такой комитет необходим, его можно создать из организаций радикальных и прогрессивных, минуя тлетворные круги монархистов, в организации которых состоит главный мичиганский сыщик Шполянский, заведывающий сокрушением радикализма. Но голоса и протесты выступавших против, были мало слышны. Их заглушали голоса колонистов, уже прельщеных чешуей монархической гидры, и я думаю, что рано или поздно, если в Детроите не состоится сближение или слияние некоторых организаций (т. е. „рассвето-пробужденческих“, прим. В.) с монархистами, то их ряды все же пополнятся новым составом“

В заключении Член Союза обращается с призывом к тем,

„которые еще идейно не обанкротились, но по тем или иным причинам не принимали в движении активного участия, придти и записаться членом союза для того, чтобы вместе с нами повести самую отчаянную борьбу с надвигающимися черными тучами монархизма“.

Привел я эту длинную выдержку для того, чтобы читатель видел, что эти слова принадлежат стороннику „рассветовщины“, а не „бродячему анархисту“ из „Дела Труда“. В течении ряда лет наша анархо-коммунистическая федерация говорила, доказывала и убеждала, что газета „Рассвет“, организации и отдельные лица, примыкающие к ней, не интересуются идеями революционного Бакунино-Крапоткинского анархического коммунизма, что эти идеи служат им лишь прикрытием для черного дела разложения и дескредитирования их. Но члены детроитского союза, особенно ОНИ, старались доказать, что наши утверждения ложь, что „рассветовские“ организации и читатели ее—**настоя-**

щие анархисты. Теперь они закричали караул, зовут на помощь в борьбе против этих **„настоящих анархистов“,** идущих на сближение с монархистами. Крича караул, они, однако, боятся задать себе вопрос и честно на него ответить — почему это монархисты идут к ним смело, а в нашу федерацию боятся показать даже нос? Где корень этого зла? Следует ли им винить обанкротившегося меньшевика Тимошенко, который так удачно запутывает в монархические сети „безвластников“ с Россель улицы? Разумеется, нет. В самом деле, при чем тут Тимошенки и прочие враги рабочего класса вроде шпика Шполянского? При чем? Разве они давали идеологическое воспитание детроитским организациям и отдельным колонистам, групирующимся вокруг них? Нет, не от них получили детроитские „колонисты“ с Россель стрит монархический насморк, а от газеты „Рассвет“.

Если в газете ежедневно, рядом с призывом посетить анархическую лекцию, печатается пламенный призыв пойти в храм божий помолиться, если на одной странице печатаются „буйно-революционные“ статьи редакторов, а на другой — пространные благодарственные письма генералов, полковников и прочих золотопагонников и попов, если редакторы проклинают убийц парижских коммунаров и кронштадтских матросов сегодня, а вчера, перед президентскими выборами, организовывали комитет демократической партии, повесившей Чикагских Мучеников и посадившей на кресло Сакко и Ванцетти, если . . ., то почему же руководимой ими пастве не об'единяться, не на страницах „рассвета“ только, а на деле, с монархистами и прочими врагами социальной революции? Не услышат, поэтому, голоса Члена Союза ни читатели газеты, ни ее руководители. Протест направлен не по адресу — не против Тимошенок надо протестовать, а против „Рассвета“. Нужно звать не в Союз, члены которого идут на об'единение с монархистами, а из Союза. Вопль Члена Союза говорит о том, что и наиболее честные элементы его так запутались в сетях „рассветовщины“, что не знают как из них освободиться. Пожалуй больше того — они не хотят этого освобождения. Что это так, это доказывает решительный отказ детроитцев, в том числе и Члена Союза, об'единиться с „Дело Труда“ на условиях отказа от „Рассвета“ и его вдохновителей. Неужели случай с Тимошенко не откроет им глаза? Неужели они будут продолжать работать с теми, которые „всем своим существом поддерживали такое сближение“ с монархистами? Неужели они не поймут, что, что-то гнило в царстве датском, если к издателям „Пробуждения“ приходят монархисты с предложением единого фронта?

Мы думаем, что после такого урока члены детроитских организаций с Россель стрит и подобные им группы и организации других городов, по крайней мере, честные элементы их, открыто откажутся от газеты „Рассвет“, порвут с ней навсегда и начнут об'единяться с группами, издающими „Дело Труда“, и вместе с ними поведут энергичную борьбу с осколками монархизма и с большевистским деспотизмом и его защитниками. Об'единившись, создадим мощный орган, который будет выходить аккуратно каждый месяц. Создадим крепкую федерацию, почаще будем созывать с'езды и конференции, чаще рассылать по большим и малым городам Соединенных Штатов и Канады искренних проповедников безвластия и снова восстановим силу и престиж нашего движения в русской колонии.

Поймите же, наконец, где находится корень зла и присоединяйтесь к нам, чтобы общими усилиями вырвать этот корень.

Так за дело же, кто искренне верит в анархо-коммунистический идеал.

В.

Союз Советских Социалистических Республик

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Мы публикуем письмо одного крестьянина, которое очень ярко рисует положение крестьянства в России в настоящее время, указывает как разрушается сельское хозяйство, что влечет за собой повсеместный голод, и рисует настроение крестьян, которое вызывает в наших сердцах тревогу, так как большевики своей политикой в области сельского хозяйства отбрасывают огромные крестьянские массы в лагерь контр-революции и на долгое время саму идею коммунистического земледелия делают ненавистной.. Конечно, мы не можем здесь указывать имя автора и название деревни, ибо это повлечет арест автора письма, разорение, ссылку или тюрьму.. Мы предлагаем нашим читателям присылать нам письма, получаемые ими из русской деревни, мы охотно будем печатать их, сохраняя в тайне имена авторов писем и их адреса.

Настоящее письмо мы печатаем без всякого исправления.

Здрастуйте братец, первым долгом моего письма я спешу сопщить вам о том, что я нахожусь жив и здоров чего и вам желаю.

Братец я вам пишу это уже второе письмо. В этом письме я опишу вам горкую жизнь русского народа. Вы

спрашиваете почему наша деревня не пошла в колхоз. Вот почему. Эту жизнь народ щитает что эта жизнь старого пригона, это иго вековое, закабаление русского народа быть рабами, а комисарам быть царями. Работать за кусок хлеба от сонца до сонца. Братец опишу какие великие налоги. Уменя земли совсем мало (одна дисятина), мне самому нужно еще хлеба покупать, а из меня взяли два пуда хлеба, 20 ф. ляного семя, 30 ф. мятого льна и 105 рублей налогу деньгами. И это я считаюсь как бедняк а из середняка в 3 раза, а с называемых кулаками в 10 раз больше. Это невыносимое иго которого не может народ перенести. У меня только старый конь и одна корова — это мое все хозяйство. Я за корову плачу штраховку и 3 пуда в год мяса живым весом. В 33 году наклали на меня за летний сезон чтобы я здал государству с одной коровы 8 пудов молока. Подумай как мне жить. Уменя 5 душ. Это уже 4 кожи дерут с меня за эту худую и измученую корову и не спросят что мои дети сидят голодные и холодные. Это я описал вам налог коровы а теперь опишу налог коня. За коня я так самое плачу штраховку и налог. И у ниделю кажной недели должен ехать работать на коне 3 дня в неделю и трудица без платно на подержку второй пятилетки. А если три дня не выехал то как бедняку так 50 рублей штрафу середняку 100 а зажиточному 150. А если пришли к вам и у вас нету денег, то все грабят что у вас найдут. А если ничего нету то забирают вас в тюрьму и судят на 10 лет тюрьмы за то что вы не выехали на работу. Вот братец чего русский народ дождался. Все люди говорят что такого ига и рабства не было как свет существует как теперь которое переживает русский народ. Каждое село и деревню прикрепили к фабрике или к лесу работать государству безплатно. А за не вывозку своего времени лесу сами газеты пишут что сидят у тюрьмах по все России 7 милл. крестьян. Так они называют этих людей кулаками, но сидят те наши братья которые не могли выполнить вывозку лесу и тово подобнова. Эти люди мучаются и умирают от голоду по тюрьмам. Вот что нам наделали красные араторы. С одной только нашей деревни сидит 7 человек у тюрьме. Народ не знает что это будет. Мы все щитали что пришел конец русскому народу и мы не думаем быть уже живыми потому что народ умирает от голоду, потому что все селы и деревни разбойники развеяли. Русский народ еще только ожидает того что может помилуют нас иностранные народы. Но если нет, то всех подушат по тюрьмах.

У нас до войны нащитувалось лошадей около 5 сот, коров около 7 сот, овец около тыщи, теперь же лошадей около сотни, коров менше сотни, а овец совсем нету. Это в нашей деревне. В общем же маштабе осталась 7-я часть всего что имела Россия. Вот как догоняют Америку. Если бы вы посмотрели на страдания русского нарада то вы не могли бы выдержать от слез. У нас хлеб аржаной 2 руб. и 50 коп. фунт, а на Украине и того нету. А ведь рабочий работае за 2 рубля у день. Он дажа не заработает на один фунт хлеба. Вот тут и догони и перегони Америку. Ну одним обманом, брахней и машеническим подходом они крестьян надувают, они народу скрозь на собраниях напивают что мы второй пятилеткой перегоним Америку и Англию, но народ стоит позади этих варварских напевов, он до слез угнетен страшною жизнею. Красивую брахню приподносят русскому народу которий от страшной жизни за слезами не видет свету.

Они в первые шаги советской власти говорили, что мы против алкогола, но оказалось наоборот — стали первые алкоголики. Увесь продукт отбирают от кристян безплатно, а горелку продают 10 рублей за бутылку. В городе на каждом угле монаполка и даже в каждом магазине вы найдете водку для продажи, а керосину нигде не найдете, его нету, люди палють лучину. Чугунов также нету, хорошо хоть старые люди умеють делать горшки с глины. Гвоздей нигде вы не найдете, даже для гробов умерших людей употребляють деревянные гвозди. Вот до чего дожилась русская земля. Мы щитаем что Россия отстала от других стран во всех отреслях на 100 лет, потому что назад сто лет говорят старые люди, тогда палили лучину и не было чугуна. В текущее время русский народ переживает такое же положение.

Всего я не могу описать, но можите щитать в три раза хуже как здесь написано.

Народ не знает когда и как придет этому бедствию конец, и чем окончится это бедствие и кто может освободить русский народ от ига болшевицких банд, которие разоряют русский народ.

Еще раз повторяю что я мог написать про нашу страдальческую жизнь щитайте в три раза хуже чем здесь написано.

Прощайте братец.

Писал брат Федор.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

ДЕТРОИТ, МИЧ.

Забастовка на заводах Бригса

Капиталисты винят рабочих в устройстве безпорядков, бунтов. Не рабочие, а капиталисты устраивают безпорядки и бунты. Доказательством служит забастовка на заводах Бригса.

Бригс несколько раз урезывал своим рабочим зарплату и удлинял рабочий день; рабочие мирились.

Ни в одной европейской стране нет таких мирных рабочих, как в Северной Америке. Когда же дело дошло до издевательства над личностью, рабочие забастовали. Издевательства эти таковы: минут на 10, на 15 останавливается станок, старший рабочий мгновенно регистрирует время остановки и несколько центов высчитываются из зар-платы. Против 18 часового рабочего дня никто не протестовал, но когда дошло до того, что рабочий торчит 18 часов в отравленной атмосфере, а получает плату всего за пару часов, то начались слабые протесты, за которые рабочих без церемоний гнали с завода: — „Тебе, смеялась администрация, нужен свежий воздух и отдых“. Бывали случаи когда рабочий зарабатывал 3 дол. 68 цен., из которых три дол. пошли на фабричную страховку, а 68 цен.

рабочему . . . А семья этого „счастливца“, говорят, из пяти душ! Женщине, чтобы получить работу и держаться на ней, нужно быть молодой, красивой, покорной, податливой. Не одна потеряла работу из-за того, что не шла навстречу гнусным приставаниям заводских собак!

Забастовка вспыхнула неожиданно, стихийно. Догорела соломинка до живого и рабочие, как один, бросили работу. Коммунисты пытались возглавить забастовку, но бастующие скоро их удалили.

Забастовка ведется самими бастующими. Требования очень умеренные, вот они: пятидневная рабочая неделя, 9 часовый рабочий день, 50 ц. в час, двойная плата в праздничные дни, сверхурочные работы только по необходимости и, — (самое страшное для паука) — признание союза автомобильных рабочих. И это все. Бригс тратит тысячи долларов на полицию, при помощи которой стачколомы работают, но не идет на эти мизерные требования.

На заводы втащили пулеметы, слезоточивые бомбы; полиция табуном ходит, охраняя заводы. Пикеты забастовщиков ведут себя мирно, это все-же не мешает полиции производить аресты. Облюбует полиция того или иного и тянет в участок. Обращение зверское. В результате свирепого обращения полиции с арестованными два забастовщика погибли: одного истощенного голодом так „пошарпали“, что он через пару дней умер в госпитале, другой же погиб при самых загадочных обстоятельствах — он огрызался с полицейскими и был найден на крыльце своей хатенки мертвым. При освидетельствовании обнаружен перелом двух ребер в нижней части груди и вогнутая во внутрь головы часть черепа, от удара тупым тяжелым орудием. Об их гибели ни одна буржуазная газета не заикнулась. Все шито-крыто.

Единодушия среди рабочих не наблюдается: многие стачколомствуют, хотя вначале забастовали дружно. Общественное мнение на стороне бастующих. Моральной поддержкой бастующие гарантированы, но материально далеко нет. Многие довольствуются куском хлеба и чашкой кофе. Хотя от времени до времени некоторые радикальные организации снабжают бастующих пищей, но эта помощь далеко недостаточна. Недостаточность об'ясняется безденежьем. „Ют оф Тудэй“ — детройтская организация современной молодежи — под руководством Б. Ротмана все свои копейки отдала на помощь бастующим. Настроение бастующих бодрое, но трудно предугадать выиграют-ли они забастовку.

Ф. Коваленко.

РОЧЕСТЕР, Н. И.

Уважаемый тов. Волков!

Будьте дорбы поместить в следующем номере „Дела Труда“ посылаемое заявление нашей группы.

С товарищеским приветом

I. Лазарев.

В январе с. г. в Рочестере организовалась анархическая группа „Свобода“. Группа ставит своей целью вести анархическую и антибольшевистскую пропаганду среди рабочих посредством распространения литературы и устройства митингов, лекций и докладов.

Для достижения большей успешности в работе, группа считает правильной идею об'единения всех различных анархических группировок в одну общую Федерацию с одним руководящим анархическим органом. Но пока этого нет, группа будет поддерживать материально и морально журналы „Дело Труда“ и „Пробуждение“ в надежде, что направление этих журналов станет определенно анархо-коммунистическим.

Секретарь группы.

САН-ФРАНЦИСКО, КАЛ.

В прошлом месяце Интернациональная Анархическая группа города Сан-Франциско устраивала вечеринку в пользу трех Анархических газет: „Дело Труда“, на русском языке, „Л'Адуната“, на итальянском, и „Мэн!“, на английском.

Третью часть со всего прихода, составляющую сумму в 8.50 высылаем в фонд на издание „Дело Труда“.

по поручению группы *Г. Ровнейко.*

В прошлом месяце проездом был в Сан-Франциско Карло Треско и читал лекции. В итальянской ежедневной Социалистической газете, выходящей в Нью-Йорке, „Ла Стампа Либра“ была заметка о том, что в честь Карло Треско устраивался банкет, на котором принимала участие также и русская Анархическая группа.

Мы, русская руппа Анархистов гор. Сан-Франциско, заявляем, что ни группа в целом, а также ни один из членов группы в отдельности не принимали участия как в устройстве так и в банкете.

Группа Анархистов Коммунистов
гор. Сан-Франциско.

За группу *Г. Ровнейко.*

О ГАЗЕТЕ „МЕН!“

Первого января начала выходить в Сан-Франциско на английском языке газета „Мен!“. Газету издают об'единенные анархические группы — русская, английская, итальянская и китайская.

Всегда чувствовалась большая потребность в анархической газете на английском языке, а в последнее время в особенности. Принимая во внимание, что большевики везде стараются нас чернить, называя контр-революционерами, врагами рабочего класса и, принимая во внимание, что английская масса мало знакома с нашими идеями и что от одного слова анархизм многие приходят в ужас, мы серьезно задумались над вопросом издания журнала, газеты или просто листка, где бы в краткой и ясной форме можно было об'яснить красоту, логичность и простоту анархизма. Для этой цели и возникла газета „Мен!“.

Быть или не быть? Судьба новорожденного органа была в руках товарищей. Отзывчивость их превзошла все ожидания: со всех сторон начали прибывать поздравления, пожелания, деньги и материал. Такое отношение придало нам еще больше энергии. Такая солидарность нам нужна, она нужна всем организациям, проповедующим учение анархизма. Все группы и отдельные личности должны поддерживать эту газету, если не материально, то хотя бы морально. Это также важно, как и деньги. Моральная поддержка дает энергию, вливает новые силы, создает энтузиазм.

Однако, одна из русских групп (Филадельфия) наотрез отказалась от всякой помощи только потому, что редактором этой газеты является тов. Маркус. Такого узкого понимания я не ожидал от наших товарищей. Газету-то издает, ведь, интернациональная группа, а не Маркус. Нужен был редактор, а так как более способного не было, то и решили пригласить Маркуса. Если товарищи читали

газету „Мен!“, то удостоверились, что она одна из лучших газет, выражающих идею анархизма. Она стойко идет к намеченной цели.

Чтобы при теперешней безработицы покрыть расходы по газете, группам приходится здесь тяжело работать. Не забудьте, товарищи, что газета не высылается наложным платежем, а поддерживается добровольными пожертвованиями. Повторяю, газета издается и контролируется не личностью, а интернациональной группой гор. Сан-Франциско. Так что, товарищи, пора отбросить дрязги, личные недоразумения: с ними мы далеко не уйдем. С солидарностью же, с дружелюбностью и взаимопомощью мы скорее придем к братству и равенству.

Анюта.

От редакции. Товарищ Анюта напрасно делает упрек филадельфийской группе — вопрос не в личности редактора, а в его понимании и направлении газеты. Газета „Мен!“ несомненно технически ведется хорошо, даже очень хорошо, но по идейному направлению она слишком далека от анархического коммунизма. Почему? Во-первых потому, что она „не предлагает программ, платформ или паллиативов ни для каких социальных явлений, которые становятся перед человечеством“. Это, конечно, тоже платформа, но очень легкая для издателей, ибо она ни к чему их не обязывает и никакой ответственности на них не возлагает — „верь в самого себя“, а остальное придет само собой. Для „Мена!“ организация наших сил в областном, национальном и интернациональном масштабе имеет значение равное нулю, даже больше, он считает это вредным делом. Конференции, конгрессы — вещь ненужная. Товарищи же филадельфийцы, наша федерация и наш орган „Д. Т.“ стоят на прямо противоположной точке зрения. Поэтому, зная убеждения Маркуса, они были правы отказавшись от поддержки газеты, направление которой должно было быть таким, каким оно есть теперь. Кроме того, они взяли на себя обязанность поддерживать газету „Фридом“, которая ближе к ним и по расстоянию и по направлению. Ни они, ни федерация, ни редакция „Д. Т.“ не желают ничего плохого газете „Мен!“, наоборот, все с интересом ее прочтут, так или иначе помогут, но главную помощь, они дадут тому делу и тому идейному направлению, с которым они больше согласны. Поэтому нельзя от товарищей требовать того, что они не могут дать, чтобы не придти в конфликт со своими убеждениями и моральными чувствами. Если хотите всеобщей поддержки со стороны нашей федерации, то необходимо чтобы газета „Мен!“ проповедывала идеи анархического коммунизма, идеи Бакунина и Кропоткина. Повторяем, никто из нас не против существования газеты „Мен!“.

ЛОС-АНЖЕЛЕС, КАЛ.

Русский Прогрессивный Клуб или Союз Русских Рабочих

Уже прошло более шести месяцев после открытия помещения клуба. Потребовалось много труда оборудовать его, но зато труд не пропал даром — помещение клуба оказалось очень уютным и благоустроенным: устроена хорошая эстрада и все нужное для маленькой сцены.

Почти все товарищи содействовали открытию клуба, но наибольшую благодарность заслуживает тов. Карамазин, который вложил много труда и энергии в ремонт помещения.

В состав бывшего „Русского Прогрессивного Клуба“, переименованного теперь в „Союз Русских Рабочих“, вошел элемент технически мало подготовленный, в результате чего оказалось, что мы не только не завоевали симпатии общественного мнения, но немного, пожалуй, даже оттолкнули от себя. Инициаторы, несмотря на долголетнюю практику, не смогли на примере, на деле, выявить свою идейную анархичность. Говорю я это не в упрек, не в обиду, а для того, чтобы подвести итог нашей работе и устранить ее недочеты; но для того чтобы устранить эти недочеты, необходимо смотреть прямо в глаза правде, без этого мы не продвинемся вперед.

Вот эти недочеты и ошибки. Для того, чтобы облегчить финансирование клуба, необходимо было привлечь другие родственные анархические группы, которые собираются по домам, а тов. клубовцы были против этого, мотивируя тем, что раньше нужно постараться развить свою деятельность среди русской колонии. Клуб находится в центре русской колонии и все дни утилизировались в интересах колонии. Вначале такой подход казался как-будто правильным, но потом оказалось другое: наши активисты, вместо того чтобы отдавать время на укрепление организации, перенесли свою энергию на другой фронт. Театральные постановки, пение, гулянки, танцы и пр. забрали их силы целиком, тогда как эту работу с таким же успехом, а может быть и с лучшим, могли бы выполнять симпатизирующие, освобождая тем самим многих активистов для анархической пропаганды.

С течением времени в клуб были привлечены и другие анархические группы, а между тем центр активности русской группы был перенесен на вышеуказанный фронт, на котором скоро начались личные недоразумения и даже сплетни, вредно отражавшиеся на клубе. Много мелочей, которых мы не могли предвидеть вначале, оставили на клубе пятна. Все это оттолкнуло элемент, который симпатизировал нам и вращался вокруг нас.

В заключении скажу, что теперь мое присутствие в клубе Союза Русских Рабочих, сведшегося к малой группке, сводится к тому, чтобы смотреть оправдаются ли слова тов. Шваба, что теперь работа пойдет лучше. Посмотрим. Сомневаюсь, однако, чтобы это было так, ибо не считаясь с мнением симпатизирующих трудно надеяться на успех массовой работы. Во всяком случае, я готов помогать работе и в дальнейшем. Моя первоначальная цель уже осуществлена — наш клуб стал ядром большого Интернационального Анархического Центра. Что касается русской пропаганды, то я делал все, что мог, и готов, повторяю, помогать и в дальнейшем.

За Анархическую Конфедерацию в Америке

А. Леонов.

От редакции. Если даже половина того, что сказал тов. Леонов, правда, то это очень плохо, товарищи. Старайтесь ставить интересы общественной работы выше личных маленьких самолюбий. Постарайтесь все забыть и об'единиться. Никого не отталкивайте. Дайте возможность каждому проявить свои способности, больше того, помогайте им в этом. Постарайтесь созвать общую конференцию и ликвидируйте на ней все недоразумения. Наше движение нуждается в единстве, для него каждый человек дорог и ценен. Желаем вам успеха в деле единения сил.

О „ДЕЛЕ ТРУДА"

Очень хорошо, товарищи, что вы начали помещать в „Д. Т." мысли замечательных людей. Очень желательно, чтобы помещались мысли анархистов в каждом номере „Д. Т." в таком виде как помещена выдержка из Чернышевского в № 74.

Затем, не прикрываясь словом МЫ, я настоятельно рекомендую изменить журнал из „информационногой в журнал пропаганды идей анархизма, ибо такого рода журнал удовлетворяет лишь немногих знакомых с положением дел, в то время как события неотложно заставляют анархистов выяснить структуру будущего общества. А много ли из тянущих лямку в капиталистической системе знают как должно быть устроено общество на основах анархизма? Неотложно необходимо, поэтому, развивать по всем жизненным вопросам идеал анархии и ее строй.

Кругозоров.

От редакции. Журнал до сих пор не был „информационным". В нем информации отведено места ровно столько, сколько должен иметь всякий журнал, находящийся в положении „Д. Т.", который желает быть не теоретическим только, а пропагандистким, агитационным, активно-революционным и связанным с жизнью. Информация не исключает помещение статей конструктивного характера, (пример, статья „Мое социальное кредо") и теоретического характера. Дело не в этом, а в том, что никто не пишет на эти темы. А не пишут потому, главным образом, что журнал не выходит регулярно — при таком положении трудно вести журнал, трудно сговариваться с сотрудниками. Финансовая помощь прежде всего!

НЬЮ-ИОРК, Н. И.

Резолюция группы анархо-коммунистов города Нью Иорка

Группа анархо-коммунистов, обсудив заявление Редакционной Коллегии, помещенное в номере 74-м „Дела Труда", о результате переговоров Детроитской Группы с Детроитскими „пробужденцами" об об'единении с ними, приняла следующую резолюцию.

1) Группа считает, что Детроитская Группа, в целях об'единения с „пробужденцами" предложившая им предварительно отказаться от „Рассвета" и рассветовских вдохновителей, оказалась на высоте своего анархического и революционного призвания. Ибо, на самом деле, без предварительного отказа „пробужденцев" от „Рассвета" и рассветовских вдохновителей не мыслимо об'единение наше с ними. Мы считаем, что если бы без принятия „пробужденцами" этих условий произошло об'единение, то этим актом мы сняли бы вину с рассветовской головки, мы признали бы, что ее деятельность в течении ряда лет на колониальной почве под маской анархизма была для движения полезной, это, во-первых; и, во-вторых, — открыли бы доступ в движение врагам анархизма и врагам классовой борьбы. Обостряющаяся борьба трудящихся с капитализмом усиливает рост классового сознания рабочих масс и приближает момент социальной революции. Это обстоятельство требует от анархистов быть в своей пропагандистской деятельности решительными и прямыми в отношении всех тех лиц, которые так или иначе показали себя врагами революционных рабочих анархических организаций. Эта решительность, по мнению группы, должна проявляться в том, чтобы наши анархические организации строились по определенной классовой линии с определенным революционным уклоном. Только таким путем созидания анархических рядов, только путем отмежевания от всего случайного, чуждого и враждебного делу освобождения трудящихся мы, анархисты, сможем кристаллизовать наши ряды, сможем приобрести доверие широких рабочих кругов, сможем противопоставить себя с полным успехом мнимой революционной силе большевиков и, следовательно, сможем направить назревающие революционные события по определенному анархическому рабочему руслу.

2) Говоря о необходимости отмежевания от „Рассвета" и рассветовской головки, пропитанной насквозь духом отвратительного приспособленчества, Группа настоятельно рекомендует всем членам Федерации быть в дружественных отношениях с теми низовыми рассветовцами, которые группируются вокруг журнала „Пробуждение" и которые до сих пор питаются иллюзиями выравнения рассветовской зигзагообразной линии. Мало того, Группа считает нужным к этому добавить, что ограничиться этим нельзя, а чтобы с нашей стороны был сделан почин в направлении созыва с товарищами „пробужденцами" с'езда. На эту мысль навели Группу „Резолюции 1-го с'езда безвластнических групп Канады, состоявшегося 1 — 2 октября 1932 г. В этих резолюциях нет и намека на то, что Канадские товарищи находятся под влиянием вредных рассветовских идей. Наоборот, сквозь все резолюции проведена мысль страстного, пылкого желания выбраться из запутанного положения и работать для дела революционного освобождения трудящихся. А раз это так, то было бы непростительной ошибкой с нашей стороны игнорировать призыв Канадских товарищей к об'единению. Нужно действовать решительно и без замедления.

С товарищеским приветом

Группа Анархистов Коммунистов гор. Нью Иорка.

Дорогой тов. Волков!

Письмо ваше получил, а также 50 экз. жур. и 12 книг сборника. Завтра отправлю интернациональным мандатом всю имеющуюся для вас наличность. Последняя составляет сумму в 225 франков 0.5 сент. На ваши деньги это будет — вместе с пересылкой — всего 8 долларов 75 сент. Больше пока не можем, ибо наша публика не богата. Относительно посылаемой суммы поместите в „Деле Труда" следующую заметку:

Получено от Д. (Париж): от продажи „Д. Т." в киосках — 13 фр. 80с., от розничной продажи — 16 фр. 25с, от продажи 6-ти экз. сборника — 110 фр., — собрано по подп. листу на фонд „Д. Т." — 85 фр. Всего 225 фр. 0.5с.

Внесли по подп. листу следующие лица: Я. — 10 фр., Дав., — 10 фр., Кан., — 5 фр., Волин — 10 фр., Сем — 15 фр., Осип С. — 25 фр., А. Фр. — 10 фр.

На днях здесь закончился конгресс Революционно-Синдикалистской Национ. Конфедерации Труда (C.G.T.S.R.). Несмотря на очень тяжелые условия, в которых находится конфедерация, надо отметить известный революционный порыв в ее рядах. „Воля Синдикалист"" из ежемесячника скоро превратится в еженедельник: товарищи сделали еще одно усилие, чтобы через еженедельную газету повлиять на рост движения. Пока, всех благ.

Париж, Франция. *Я. Д.*